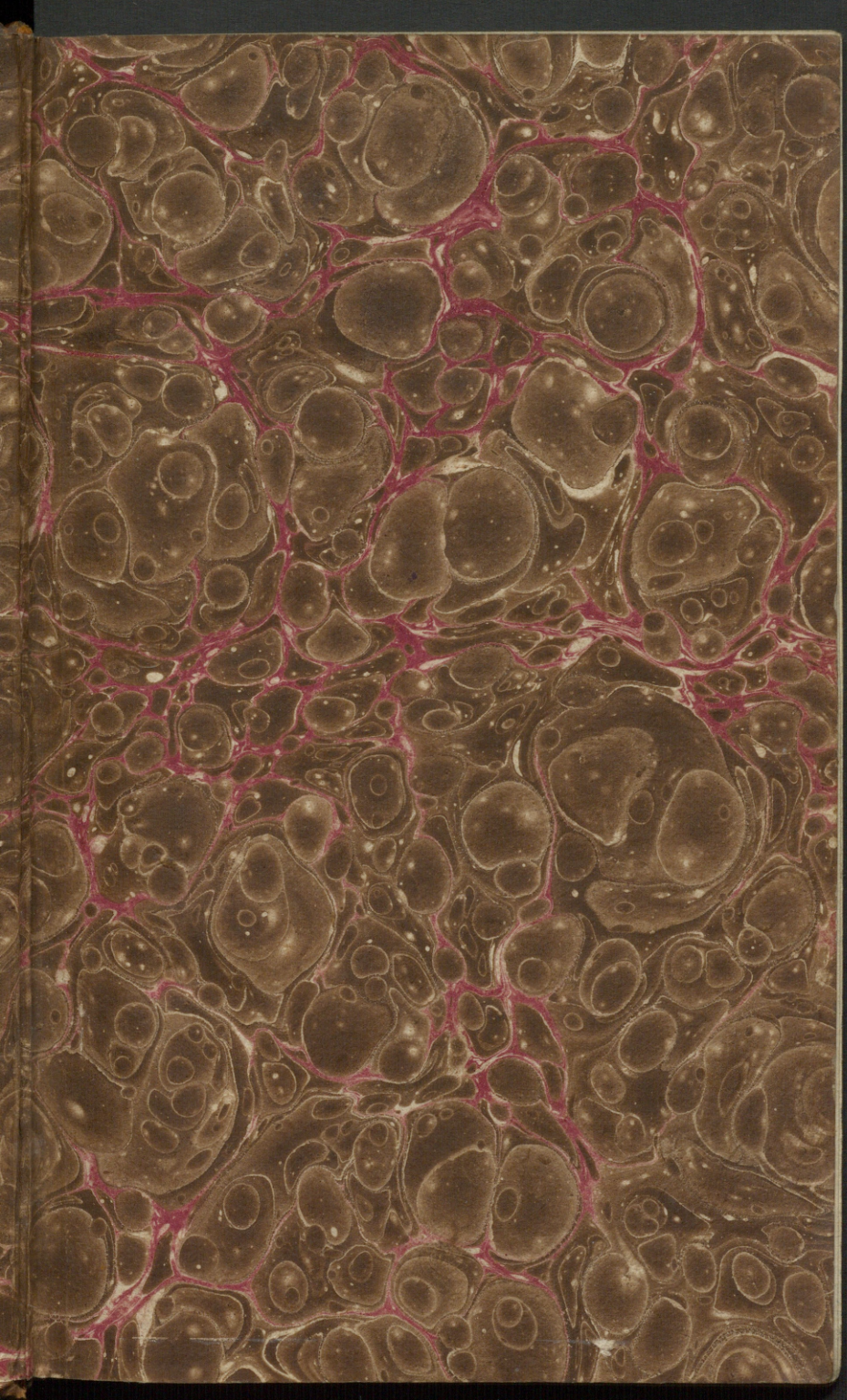


ДВО́ЙНИКЪ

или

МОИ ВЕЧЕРА ВЪ МАЛОРОССІИ.

Р-3
П-435
276

ДВО́ЙНИКЪ

или

МОИ ВЕЧЕРА ВЪ МАЛОРОССІИ.

Сочиненіе

Антонія Погорѣльскаго.

Редкие книги

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Дубл. 1

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
При Императорской Академіи Наукъ.
1828.

Инв. 1936 г. № 167350
Отдел хранения
Гос. Публ. Библиотеки
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ Типографіи, представлены были въ Главный Цензурный Комитетъ семь экземпляровъ сей книги для препровожденія куда слѣдуетъ, на основаніи узаконеній. С. П. бургъ, Февраля 29-го дня 1828 года.

Цензоръ Василій Семеновъ.

ДВОЙНИКЪ

или

МОИ ВЕЧЕРА ВЪ МАЛОРОССІИ.

ВЕЧЕРЪ ПЕРВЫЙ.

Въ сѣверной Малороссіи — въ той части, которую по произволу назвать можно и лѣсною, и песчаною, потому, что названія эти равно ей приличны — находится село П***. Среди онаго, на постепенно возвышающемся холмѣ, расположенъ большой садъ въ Англійскомъ вкусѣ, къ которому съ сѣверной

стороны примыкаетъ пространный дворъ, обнесенный каменною оградою; — на дворѣ помѣщичій домъ съ принадлежащими къ нему строеніями. — Изъ однѣхъ окошекъ дома видѣнъ садъ, изъ другихъ видна улица, а по ту сторону улицы зеленѣются коноплянники, составляющіе главный доходъ жителей тамошняго края. — Холмъ окруженъ крестьянскими избами, выстроенными въ порядкѣ и украшенными (на рѣдкость въ той странѣ) каменными трубами. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ села, густой сосновый лѣсъ со всѣхъ сторонъ закрываетъ виды вдаль.

Въ этомъ селѣ и въ этомъ помѣщичьемъ домѣ, жилъ я безвыѣздно нѣсколько лѣтъ. Разсказывать, по какимъ причинамъ я жилъ тамъ безвыѣздно, было бы вовсе излишне; довольно того, если скажу тебѣ, мой благосклонный читатель, что я — покорный слуга твой, — не

другой кто, какъ самъ помѣщикъ того села. — Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ моего тамъ пребыванія, время проходило не совсѣмъ для меня весело, но не совсѣмъ и скучно, и я на то никакъ не жалуюсь; ибо гдѣ въ поднебесной провести можно время совершенно счастливо, совершенно весело? Какой человѣкъ на свѣтѣ (я говорю о людяхъ нѣсколько испытанныхъ и не совсѣмъ молодыхъ) можетъ похвалиться, что онъ гдѣ нибудь, или когда нибудь совершенно былъ счастливъ? Если ты, любезный мой читатель, еще очень молодъ, — если пріятности жизни представляются тебѣ еще въ дали блестящей; то ты мнѣ не повѣришь; ты скажешь самъ себѣ: „теперь я, конечно, не могу назваться счастливымъ, теперь не достаетъ у меня того, другаго, на прим. чиновъ, почестей, имѣнія; — но какъ скоро достигну до всего, чего желаю, что тогда помѣшаетъ мнѣ быть

счастливымъ? Когда человѣкъ здоровъ, молодъ, богатъ, знатенъ, то онъ долженъ быть и счастливъ"— Ошибаешься, другъ мой, молодой читатель! Со временемъ, ты собственнымъ опытомъ узнаешь, что совершенное благополучіе не есть удѣлъ этой жизни, и что какъ бы ни повезло тебѣ счастіе, (чего отъ души желаю), все таки оно не довезетъ тебя туда, куда стремиться будешь. Чѣмъ дальше въ море, тѣмъ больше го́ря, — говорилъ одинъ старикъ, пріятель мой. И я ему сначала не очень вѣрилъ; а теперь вѣрю! . . . .

Но спросишь ты у меня, что же тебѣ дѣлать, чтобъ быть по крайней мѣрѣ сколько возможно, счастливымъ? Скажу въ отвѣтъ: старайся быть довольнымъ судьбою своею и не завидуй судьбѣ другихъ. Помни золотое правило, почерпнутое мною въ молодости изъ одной учебной книги, и которое нашелъ я

чрезвычайно полезнымъ въ теченіи жизни своей:

Что Господомъ дано, ты тѣмъ и наслаждайся;
Чего же не дано, о томъ не сокрушайся.

Не забывай никогда, что сокрушаться о томъ, что не дано тебѣ, ни къ чему не служитъ. Сокрушеніемъ своимъ ты не достигнешь того, чего желаешь, а только потеряешь вкусъ къ тому, что имѣешь. Человѣка, пренебрегающаго этимъ правиломъ, сравнить можно съ солдатомъ, который во время похода вздумалъ бы крушиться о томъ, что у него, вмѣсто щей да каши, нѣтъ сладкихъ пироговъ. Какъ часто въ горестныя минуты, правило это меня утѣшало! — И такъ, любезный читатель, вотъ мой дружескій совѣтъ! Кушай на здоровье пироги, когда они у тебя есть; но не грусти о нихъ и не посматривай

другимъ въ зубы, когда у тебя нѣтъ ничего, кромѣ щей да каши.

Пора однако обратиться къ дѣлу: я почти признался выше, что иногда и мнѣ, не смотря на упомянутое золотое правило, бывало скучно. Чаще всего случалось это по вечерамъ, когда крестьяне, окончивъ сельскія работы, предавались покою и около дома моего становилось пусто. Я тогда обыкновенно садился къ открытому окну и въ задумчивости слушалъ унылое пѣніе молодыхъ крестьянокъ, до поздней ночи веселящихся на вечеринкахъ. Кому случалось слышать это пѣніе въ сѣверной Малороссіи, тому не покажется непонятнымъ, что я не сердился на лай собакъ, крикъ филиновъ и визгъ летучихъ мышей, отъ времени до времени заглушавшихъ пѣсни красавицъ.

Въ одинъ прекрасный вечеръ, я, по обыкновенію, сидя у окна, меч-

талъ о будущемъ, и не безъ грусти вспоминалъ о прошедшемъ. Непримѣтно переходя отъ воспоминанія къ воспоминанію, отъ мысли къ мысли, я въ воображеніи принялся за любимое занятіе, когда бываю одинъ и безъ дѣла, . . . я началъ строить воздушные замки. — Живѣйшее воображеніе въ такихъ случаяхъ бываетъ лучшимъ Архитекторомъ. Я не могу пожаловаться на лѣность своего воображенія, и потому воздушныя зданія съ неописанною скоростію возвышались одно другаго красивѣе, одно другаго пышнѣе. Наконецъ взгромоздивъ замокъ, который огромностію и красотою своею превосходилъ всѣ прочіе, я вдругъ опомнился и со вздохомъ обратился къ настоящему! Если бы, подумалъ я, вмѣсто всего несбыточнаго, которое бродитъ у тебя въ головѣ, имѣлъ ты хотя одного добраго товарища, который бы дѣлилъ съ тобою длинные вечера! Но нѣтъ — и этого

даже быть не можетъ! Ты осужденъ оставаться одинокимъ; друзья твои далеко; и кто изъ нихъ пожертвуетъ собою, чтобъ посѣтить тебя въ такой глуши? — Не смотря однакожъ на то, будь доволенъ своею судьбою и помни:

Что Господомъ дано . . . . . .

Не успѣлъ еще я договорить мысленно этого утѣшительнаго изрѣченія, какъ послышалось мнѣ, что кто-то тихо постучался въ дверь. Сначала я принялъ это за игру воображенія; но вторичный стукъ удостовѣрилъ меня, что я не ошибаюсь, и я въ нетерпѣливомъ любопытствѣ громко закричалъ: милости просимъ!

Дверь отворилась безъ скрипа, и вошелъ въ комнату мужчина среднихъ лѣтъ и росту повыше средняго. Волосы его были кудрявые, глаза голубые, губы довольно толстыя и носъ вздернутый не мно-

го къ верху. Онъ поклонился весьма ласково, и когда подходилъ ко мнѣ ближе, то я замѣтилъ, что онъ не много прихрамываетъ на правую ногу. — Нельзя представить себѣ, до какой степени поразило меня его появленіе! Кромѣ того, что я понять не могъ, какимъ образомъ подошелъ онъ къ дому такъ непримѣтно, что я не видалъ его, сидя у открытаго окна, — кромѣ того, говорю я, внезапное появленіе его произвело во мнѣ какое-то странное и неизъяснимое впечатлѣніе! — При первомъ взглядѣ на него, сердце мое забилось, — какъ это всегда случается при встрѣчѣ съ другомъ послѣ долгой разлуки. Хотя я не сомнѣвался, что вижу его въ первый разъ въ жизни, но поступь его, малѣйшія его движенія и вся вообще наружность напоминали мнѣ что-то знакомое и, такъ сказать, родное. — Я учтиво отвѣчалъ на сдѣланный мнѣ поклонъ, и не могъ выговорить ни слова. Незнакомецъ,

казалось, примѣтилъ мое замѣшательство и сказалъ съ пріятною улыбкою: — Посѣщеніе мое удивляетъ васъ, милостивый Государь! но зная, что вы одни, и что иногда уединеніе вамъ тягостно, я вообразилъ, что сообщество мое въ длинные осенніе вечера, не совсѣмъ будетъ для васъ непріятно. —

„Милостивый Государь!“ отвѣчалъ я, „вы какъ будто отгадали самыя сокровенныя мысли мои. Въ теперешнемъ расположеніи духа моего, ничто не можетъ быть для меня благодѣтельнѣе, какъ сообщество пріятнаго товарища. — Не знаю, имѣлъ ли я когда нибудь удовольствіе васъ видѣть; но вы кажетесь мнѣ такъ знакомы, что я, признаюсь, горю нетерпѣніемъ узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?“

— Имя мое, сказалъ незнакомецъ, ни мало незначительно и мнѣ даже трудно было бы объявить вамъ

оное, потому, что сколько мнѣ извѣстно, оно не существуетъ на Русскомъ языкѣ. —

„Какимъ это образомъ?“ — вскричалъ я съ удивленіемъ. — „Вы вѣрно знаете еще съ юныхъ лѣтъ, что собственное имя человѣка, или лучше сказать, прозваніе его на всѣхъ языкахъ остается неизмѣннымъ; и потому позвольте сказать вамъ откровенно, если есть у васъ имя на какомъ нибудь языкѣ, то должны вы имѣть оное и на Русскомъ. “

— Точно такъ, милостивый Государь; но въ томъ то и дѣло, что у меня нѣтъ собственнаго имени; а если бъ непремѣнно нужно было принять какое нибудь, то ближе всего мнѣ слѣдовало бы называться такъ какъ вы. —

„Какъ я? почтенный незнакомецъ! . . . Конечно это весьма бы для меня было лестно, но . . . . “

— Не будемъ спорить о такой бездѣлицѣ; выслушайте меня, и вы согласитесь, что я говорю правду. Неудивительно, что черты лица моего вамъ кажутся знакомыми; — мы другъ на друга должны быть похожи, какъ двѣ капли воды . . . и потому если вы, какъ я не сомнѣваюсь, хотя изрѣдка смотритесь въ зеркало, то должны во мнѣ узнать самаго себя. —

Тутъ я взглянулъ на незнакомца пристальнѣе и внезапно холодный потъ облилъ меня съ ногъ до головы . . . Я удостовѣрился, что онъ въ самомъ дѣлѣ совершенно похожъ былъ на меня. Не знаю, по чему это мнѣ показалось страшнымъ и (признаюсь теперь чистосердечно) я нѣсколько дрожащимъ голосомъ сказалъ: „Подлинно, милостивый Государь! теперь я вижу, чего не замѣтилъ сначала. . . Я близорукъ; но скажите, пожалуйте скажите, кто вы таковы? — “

— Никто другой, отвѣчалъ незнакомецъ, какъ вы сами. Да! продолжалъ онъ, увидя мое смущеніе, я говорю точную правду. Вы вѣрно слыхали, что иногда человѣку является собственный его образъ? Я, милостивый Государь, я никто иной, какъ образъ вашъ, явившійся вамъ. —

„Батюшки!“ вскричалъ я внѣ себя, „о Государь мой! сколько ни было для меня пріятно васъ видѣть, но теперь! . . . Говорятъ, что такія явленія случаются передъ смертію . . . Неужто и вы, мой милостивецъ? . . . “

— Стыдитесь, сказалъ незнакомецъ, стыдитесь такихъ вздорныхъ предразсудковъ — и успокойтесь. Клянусь честію, что приходъ мой не предвѣщаетъ вамъ никакого несчастія; я пришелъ усладить, по мѣрѣ возможности, уединеніе ваше, и если старанія мои не совсѣмъ бу-

дутъ безуспѣшны, то сочту себя счастливымъ.

Слова незнакомца, увѣрительнымъ голосомъ произнесенныя, совершенно меня успокоили; я ему повѣрилъ и въ самомъ дѣлѣ, онъ не обманулъ меня. Теперь минуло ужъ десять лѣтъ послѣ перваго свиданія нашего, и я не только живъ и здоровъ, но, говорятъ, даже примѣтно потолстѣлъ съ того времени.

Пришедъ въ себя отъ объявшаго меня страха, я вспомнилъ, что не исполнилъ перваго долга гостепріимства въ отношеніи къ почтенному гостю моему, и потому, взявъ его за руку, просилъ сѣсть.

—Прошу со мною не церемониться, сказалъ мой гость; если вамъ непротивно мое присутствіе, то докажите это, обходясь со мною, какъ съ давнишнимъ и искреннимъ другомъ вашимъ. —

„Охотно!“ отвѣчалъ я, „будемъ друзьями. Вы изъ обращенія моего увидите, сколь лестно для меня знакомство ваше. Но позвольте спросить, какъ мнѣ называть васъ? Вы сами знаете, что безъ имени знакомство не знакомство; по крайней мѣрѣ для меня, какъ то неловко имѣть короткое обращеніе съ человѣкомъ, котораго имя мнѣ неизвѣстно.“

— Я уже говорилъ вамъ, что особеннаго имени у меня нѣтъ. Существа моего рода едвали имѣютъ даже названіе на Русскомъ языкѣ, и потому я дѣйствительно затрудняюсь отвѣчать на вопросъ вашъ. Въ Германіи, гдѣ подобныя явленія чаще случаются, нашу братью называютъ Doppeltgänger. Можно бы было, конечно, это слово принять въ нашъ языкъ и оно не менѣе другихъ было бы къ стати; но такъ какъ у насъ иностранныхъ словъ, говорятъ, уже слишкомъ много, то

я осмѣлюсь предложить называть меня *Двойникомъ*. Что вы на это скажете, почтенный другъ мой? —

„Согласенъ, Г. Двойникъ! для меня все равно; впредь, если позволите, иначе васъ называть не буду.“

Послѣ того мы, сѣвъ другъ подлѣ друга, наслаждались пріятною бесѣдою. На вопросъ: отъ чего происходитъ несправедливое мнѣніе, будто явленіе двойника предвѣщаетъ смерть того, кому онъ явится; мой пріятель отвѣчалъ: Не могу съ достовѣрностію объяснить происхожденіе предразсудка, котораго неосновательность вы впрочемъ на опытѣ узнаете; но признаюсь откровенно, что не очень вѣрю происшествіямъ, которыя разсказываютъ о двойникахъ. Человѣкъ имѣетъ особенную склонность ко всему чудесному, ко всему, выходящему изъ обыкновеннаго порядка, и если кто нибудь для шутки, или по какому

другому побужденію выдумаетъ и разскажетъ происшествіе — какъ бы оно впрочемъ ни было нелѣпо и невѣроятно; то, безъ малѣйшаго сомнѣнія, найдутся люди, которые не только повѣрятъ ему, но и передадутъ другимъ съ прибавленіями и перемѣнами. Впрочемъ явленіе двойниковъ не всегда предвѣщаетъ смерть. — Вы, вѣрно, помните, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ много было говорено объ одномъ молодомъ человѣкѣ, который вошедъ въ комнату, гдѣ обыкновенно занимался письменными дѣлами, увидѣлъ самаго себя, сидящаго за письменнымъ столомъ. Вы знаете, что онъ отъ того не умеръ. —

„Такъ! но я и тогда не вѣрилъ его разсказамъ; мнѣ казалось, что молодой человѣкъ этотъ имѣлъ только въ виду отличиться отъ другихъ и привлечь на себя вниманіе чѣмъ нибудь необыкновеннымъ!“

Отдел хранения
Гос. Публ. Библиотеки
им. В. Г. Белинского
г. Свердловск
1673550
инв. 184944

— И я тогоже мнѣнія. Впрочемъ я зналъ одного Доктора въ Германіи, человѣка почтеннаго, который увѣряетъ, что ему весьма часто является двойникъ, и что онъ, наконецъ, такъ привыкъ къ этимъ явленіямъ, что на нихъ никакого не обращаетъ вниманія. Двойникъ — разсказываетъ онъ — входитъ иногда ко мнѣ въ комнату, когда я занятъ своими сочиненіями. Не желая прервать занятій своихъ, я подвигаю ему стулъ и подаю трубку, а самъ продолжаю писать. Двойникъ спокойно садится и выкуривъ трубку, уходитъ, нимало мнѣ не мѣшая. —

„Но, можетъ быть, почтенный Докторъ вашъ не много помѣшанъ?“

— И я такъ думаю. Ученые люди, привыкшіе къ сидячей жизни и безпрерывному напряженію ума, часто подвержены бываютъ подобнымъ видѣніямъ, происходящимъ

отъ чрезмѣрнаго сгущенія крови. Иногда на яву съ человѣкомъ бываетъ то, что мы часто испытываемъ во снѣ и что у простолюдиновъ называется: давленіе домоваго (Alpdrücken, cauchemar). Вамъ вѣрно извѣстно, что случилось съ славнымъ Поэтомъ Попе? —

„Нѣтъ" отвѣчалъ я.

— Попе разсказываетъ самъ, что онъ однажды поздно ввечеру занимался сочиненіемъ Поэмы. Слугѣ своему онъ заранѣе приказалъ идти спать и выславъ его изъ комнаты, по обыкновенію, заперъ дверь ключемъ. Углубленный въ мечты, относившіяся къ Поэмѣ, онъ ни мало не думалъ о привидѣніяхъ; — вдругъ . . . дверь, замкнутая накрѣпко, отворилась . . . и вошелъ въ комнату старикъ небольшаго роста, въ длинномъ кудрявомъ парикѣ, какіе носили при Лудовикѣ XIV. Платье на немъ было не бо-

гатое, но весьма опрятное (сколько припомнить могу, свѣтло-коришневаго цвѣта) съ прекрасными кружевными манжетами; на башмакахъ большія серебряныя пряжки. Попе такъ пораженъ былъ симъ явленіемъ, что не промолвилъ ни слова, и глядѣлъ на пришельца съ удивленіемъ! Старикъ, не обращая на него вниманія, медленными шагами подошелъ къ шкафу, въ которомъ были книги Поэта. Онъ взглянулъ на нѣкоторыя заглавія сквозь стеклянныя дверцы; потомъ отворилъ шкафъ, покачалъ головою и началъ всѣ книги переворачивать вверхъ ногами. Попе хотѣлъ спросить, за чѣмъ онъ приводитъ въ безпорядокъ его библіотеку; но слова замерли на его устахъ, когда онъ увидѣлъ, что старикъ, доставая книги съ верхнихъ полокъ, вмѣсто того, чтобъ стать на стулъ, просто вытянулся до такой вышины, которая ему казалась нужною. Когда же напротивъ, очередь до-

шла до книгъ, стоявшихъ на самыхъ нижнихъ полкахъ, старикъ вмѣсто того, чтобъ нагнуться, сжался и сдѣлался самаго маленькаго роста. Чтобъ достать книги, находившіяся по обѣимъ сторонамъ шкафа, онъ не сходилъ съ мѣста, но протягивалъ правую или лѣвую руку, которыя по мѣрѣ надобности становились длиннѣе или короче. Такимъ образомъ онъ вытягивался и сжимался до тѣхъ поръ, пока всѣ книги перевернуты были вверхъ ногами. — Окончивъ работу свою, старикъ заперъ шкафъ, и такими же медленными шагами вышелъ изъ комнаты, не взглянувъ ни разу на Поэта. Дверь сама собою за нимъ затворилась. . . . Попе нѣсколько минутъ оставался недвижимымъ; наконецъ собравшись съ духомъ, подошелъ къ дверямъ и увидѣлъ, что онѣ заперты ключемъ. Удостовѣрившись, что въ шкафѣ всѣ книги безъ исключенія стояли вверхъ ногами, онъ рѣшил-

ся отложить до другаго утра приведеніе въ порядокъ своей библіотеки. Между тѣмъ охота писать стихи въ немъ вовсе исчезла; онъ раздѣлся, легъ въ постель, потушилъ огонь, и вскорѣ потомъ заснулъ крѣпкимъ сномъ. — Когда проснулся утромъ, первое его движеніе было подойти къ шкафу, и къ крайнему удивленію онъ нашелъ, что всѣ книги стояли въ надлежащемъ порядкѣ и ни одной изъ нихъ не было вверхъ ногами! —

„Но" прервалъ я Двойника „не сонъ ли это былъ?"

— Весьма вѣроятно — отвѣчалъ онъ. По крайней мѣрѣ трудно было бы догадаться, какую цѣль имѣлъ старикъ, перевертывая книги Поэта. Столь же непонятнымъ кажется и то, что книги потомъ сами собою пришли въ прежній порядокъ. Но такія происшествія не рѣдко случаются съ учеными, какъ

уже я замѣтилъ прежде. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ, былъ я въ Прагѣ, гдѣ въ одной изъ публичныхъ библіотекъ находится весьма много старинныхъ книгъ. Одинъ изъ чиновниковъ, служащихъ при библіотекѣ — человѣкъ не молодыхъ лѣтъ, почтенный и ученый — разсказывалъ мнѣ, что между старинными книгами есть рукопись XIII вѣка, содержащая въ себѣ заклинанія, посредствомъ которыхъ можно призывать злыхъ духовъ и повелѣвать ими. Для меня книга эта показалась весьма любопытною, и я попросилъ позволенія вглянуть на нее, что мнѣ и было позволено. Но когда я, развернувъ листы, захотѣлъ читать, то Библіотекарь поблѣднѣлъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ. „Сдѣлайте милость, не читайте!“ вскричалъ онъ прерывающимся голосомъ. — За чѣмъ же? спросилъ я его. — Старикъ схватилъ меня за руку и повелъ поспѣшно въ другую комнату. Тамъ онъ

тихо, и безпрестанно оглядываясь, началъ разсказывать слѣдующее:

„Я служу при здѣшней библіотекѣ болѣе тридцати лѣтъ. При вступленіи моемъ въ настоящую должность, былъ я еще очень молодъ, не вѣрилъ ничему, и смѣялся, когда разсказывали о привидѣніяхъ и злыхъ духахъ. Однажды случайно попалась мнѣ рукопись, которую вы теперь видѣли. Будучи непривыченъ къ странному образу письма, я съ трудомъ разобрать могъ заглавіе; но какъ скоро удалось мнѣ прочитать его, то любопытство мое сильно возбудилось. Я съ большимъ стараніемъ началъ разбирать рукопись и наконецъ достигъ до того, что могъ читать оную безъ затрудненія. Въ одно утро сидѣлъ я у стола; книга раскрытая лежала предо мною; я дошелъ до того мѣста, гдѣ страшными заклинаніями (отъ воспоминанія которыхъ и теперь еще во-

лосы у меня становятся дыбомъ!) злые духи вызываются изъ глубины ада, и принуждены предстать читателю. . . . Я уже сказалъ вамъ, что ни мало не вѣрилъ привидѣніямъ, и потому принялся читать заклинанія. Не успѣлъ я прочитать одну строчку, какъ послышался мнѣ тихій шопотъ, какъ будто кто-то говорилъ за моими плечами. Я оглянулся . . . все утихло . . . Не видя ничего, я продолжалъ чтеніе. Вдругъ. . . опять послышался мнѣ шопотъ и громче прежняго . . Тутъ мнѣ показалось, что онъ происходилъ отъ предмета, находившагося предо мною. — Я поднялъ голову, и что же представилось моимъ глазамъ! . . . На чернилицѣ, стоявшей на столѣ, сидѣло привидѣніе, ростомъ не болѣе двухъ или трехъ вершковъ, съ яркими глазами, съ длинною бородою, съ ногами, похожими на козлиныя! Вы легко представить себѣ можете, до какой степени я испугался! . . Но не смо-

тря на то — не помня, что дѣлаю — продолжалъ я читать далѣе. Чудовище, по мѣрѣ чтенія моего, становилось выше, глаза болѣе и болѣе сверкали, ноги дѣлались кривѣе. . . Мнѣ представилось, что маленькіе рога начинали выходить изъ лба его, покрытаго морщинами . . . при томъ ротъ его протянулся до ушей, а въ глубинѣ рта я замѣтилъ языкъ, похожій на змѣиный, и клыки, подобные кабаньимъ! . . . . Отъ ужаса я захлопнулъ книгу и вскочилъ со стула. — Въ одно мгновеніе призракъ исчезъ, и съ того времени я никогда уже не рѣшался продолжать чтеніе рукописи. "

— На лицѣ старика — продолжалъ Двойникъ — во время разсказа, написанъ былъ страхъ, произведенный воспоминаніемъ. Ни просьбами, ни обѣщаніями не могъ я побудить его раскрыть опять книгу. Я твердо увѣренъ, что старикъ меня не

обманывалъ, и что онъ самъ вѣрилъ тому, что разсказывалъ. —

„И такъ“ спросилъ я Двойника, „вы не сомнѣваетесь въ справедливости этого происшествія?“

— Напротивъ того, отвѣчалъ онъ, я вижу въ немъ только доказательство, что воображеніе человѣка, воспаленное напряженіемъ, ему не свойственнымъ, можетъ представлять ему вещи, которыя въ самомъ дѣлѣ не существуютъ. —

Между такими разговорами протекло довольно времени, и стѣнные часы пробили двѣнадцать. При первомъ ударѣ Двойникъ вскочилъ со стула. — Пора теперь спать, почтенный другъ — сказалъ онъ мнѣ; — желаю покойной ночи. Завтра, если позволите, мы опять увидимся. —

„Повремените еще не много!“ вскричалъ я. — „Но можетъ быть

полуночный часъ и для двойниковъ время роковое? . . . Въ такомъ случаѣ я не смѣю васъ задерживать."

— Помилуйте! возразилъ онъ; это опять одинъ изъ самыхъ странныхъ человѣческихъ предразсудковъ! Для насъ часы всѣ равны. Обыкновеніе раздѣлять день на извѣстное число частицъ, вовсе не нужно для духовъ. Увѣряю васъ, что у насъ не знаютъ ни Брегетовъ, ни Эллико-товъ. Я оставляю васъ теперь потому единственно, что пора намъ спать. Прощайте, до свиданья! —

„Еще одинъ вопросъ, Г. Двойникъ! Правда ли, что вы вообще боитесь пѣтушинаго крика?"

— Вы меня смѣшите — отвѣчалъ съ громкимъ хохотомъ Двойникъ: можетъ ли хриплый голосъ пѣтуха устрашить кого нибудь, не только духа? Но прощайте, спите покойно! —

Новый пріятель мой, не договоривъ рѣчи, исчезъ . . . . и послѣднія слова его отозвались въ ушахъ моихъ, какъ будто издалека. Я послѣдовалъ его совѣту и легъ спать.

ВЕЧЕРЪ ВТОРОЙ.

На другой день, въ обыкновенное время, то есть, часу въ десятомъ вечера, Двойникъ, по данному обѣщанію, посѣтилъ меня опять. Бесѣда новаго товарища моего необыкновенно мнѣ нравилась; онъ часъ отъ часу становился мнѣ любезнѣе, и я откровенно въ томъ ему признался.

— Если вы дѣйствительно меня любите — отвѣчалъ онъ — то конечно не откажете въ просьбѣ, исполненіе которой ни сколько не можетъ затруднить васъ. —

„Что вамъ угодно, любезный другъ?“ вскричалъ я. „Чѣмъ могу служить вамъ? говорите.“

— Моя просьба, дорогой Антоній, состоитъ въ томъ, чтобъ вы иногда, въ длинные вечера, сообщали мнѣ сочиненія свои . . . мнѣ извѣстно, что вы сочиняете. —

„Ахъ, почтенный Двойникъ! признаюсь, что и я не безъ грѣха . . . Но произведенія пера моего недостойны вашего вниманія. Я писалъ сказки, — маленкія повѣсти. . . .“

— Нужды нѣтъ! прервалъ меня Двойникъ. Чтобъ придать вамъ бодрости, и я иногда разскажу вамъ, что знаю. Мои повѣсти будутъ не лучше вашихъ. —

„Прекрасно! съ этимъ условіемъ охотно сообщу вамъ мой запасъ.“

— И такъ начинайте, любезный другъ! —

Я выпрямился, не много покашлялъ и началъ читать слѣдующее:

Изидоръ и Анюта.

Уже непріятель приближался къ Москвѣ. — Длинные ряды телѣгъ, нагруженныхъ тяжело-ранеными воинами, медленно тянулись въ городъ съ большой Смоленской дороги. Онѣ съ трудомъ пробирались сквозь толпы жителей, съ сокрушеннымъ сердцемъ оставляющихъ любезный первопрестольный градъ! Разнаго рода повозки, наполненныя рыдающими женщинами и дѣтьми, тихо подвигались къ заставѣ; къ верху и къ бокамъ, подъ козлами и на запяткахъ привязаны были большіе узлы. Лошади едва тащили тяжелыя повозки; — женская заботливость, казалось, предусмотрѣла все, что нужно въ долгую дорогу; но иныя второпяхъ забыли ларчикъ съ бриллiантами, другіе оставили въ опустѣломъ домѣ карманную книжку съ деньгами. — На всѣхъ лицахъ написана

была сердечная горесть, — на многихъ жестокое отчаяніе. Никто не предвидѣлъ грозы, незапно нагрянувшей на Москву; никто заблаговременно не принялъ мѣръ къ спасенію. . . . Здѣсь мать, прижавъ груднаго младенца къ трепещущему сердцу, и ведя за руку малютку, едва начинающаго ходить, влечется за другими, сама не зная, куда. . . . Тамъ, дряхлый старикъ, опираясь на посохъ, съ трудомъ передвигаетъ ослабѣвшія ноги. Подходя къ заставѣ, онъ останавливается . . . еще разъ взглядываетъ на родной городъ, гдѣ думалъ спокойно умереть. . . Стѣсненная грудь его едва подымается, и горькія слезы, можетъ быть послѣднія, дрожатъ въ полупотухшихъ очахъ! . . . Купцы тѣснятся около лавокъ — не для спасенія своего имущества, — нѣтъ: рука ихъ не дрогнувъ уничтожаетъ плоды многолѣтнихъ трудовъ, чтобъ не достались они врагу ненавистному. Ужаснѣе всего

положеніе тѣхъ, которые находятся въ невозможности спастись! Въ безмолвномъ отчаяніи взираютъ они на бѣгущихъ. Всѣ вооружены; старинныя копья и бердыши, разнообразныя сабли и кинжалы исторгнуты изъ оружейныхъ, гдѣ обречены были на вѣчное бездѣйствіе. Всѣ готовы умереть за отечество; но чувствуютъ, что не въ силахъ ему помочь! — Единственнымъ утѣшеніемъ служитъ имъ слабая надежда, что непріятель отраженъ будетъ отъ Москвы. Въ самомъ дѣлѣ, мысль, что древняя Русская столица съ величественными храмами, съ святыми иконами достанется непріятелю — эта ужасная мысль не можетъ утвердиться въ народѣ. Русское сердце не постигаетъ, какимъ образомъ нечестивый супостатъ осмѣлится вступить въ священные Царскіе чертоги!

Былъ первый часъ по полудни, когда въѣзжалъ въ Дорогомиловскую

заставу молодой Кирасирскій Офицеръ. По всему видно было, что онъ скакалъ нѣсколько верстъ во всю прыть; вороной подъ нимъ конь покрытъ былъ пѣною. — Солнце въ то время ярко свѣтило съ синей высоты, но лучи его не отражались отъ золотаго шишака и отъ серебряныхъ латъ, покрытыхъ густою пылью. Молодой Офицеръ ѣхалъ по улицамъ, кипящимъ отъ народа, и взоры его, казалось, кого-то искали между спасающимися женщинами. Иногда рука его останавливала коня, — онъ пристальнѣе всматривался въ ѣдущихъ; но замѣтивъ ошибку свою, вновь понуждалъ коня и продолжалъ путь большою рысью. При переѣздѣ чрезъ Ехаловъ мостъ, лошадь его споткнулась. „Бѣдный Фениксъ!“ сказалъ Офицеръ въ полголоса: „любезный мой товарищъ, этого за тобою не бывало! Какъ худо плачу тебѣ за вѣрную твою службу!“ Онъ погладилъ Феникса

по шеѣ, — и опять вонзилъ окровавленныя шпоры въ разодранные бока усталаго коня.

Въ Красномъ селѣ, въ приходѣ Тихвинской Божіей Матери, стоялъ небольшой деревянной домъ, который можно бъ было назвать хижиною, если бы онъ не находился внутри города. Молодой Офицеръ поспѣшно соскочилъ съ лошади и бросился въ отворенную калитку, не давъ себѣ даже времени привязать коня. — На дворѣ, вѣрный стражъ дома, большая дворная собака, встрѣтила его съ униженными ласками; но онъ взбѣжалъ на крыльцо, не замѣтивъ даже добраго Бостона. Въ домѣ все было безмолвно; только звукъ шпоръ и стукъ палаша, ударяющаго по ступенямъ, раздавались въ тишинѣ. Молодой Кирасиръ вошелъ въ первую комнату, — хотѣлъ идти далѣе . . . вдругъ отворилась дверь и прекрасная дѣвушка кинулась въ его объятія. — Это

ты, Изидоръ? — сказала она въ радостномъ восторгѣ: слава Богу! —

„Анюта, милая, дорогая Анюта!“ вскричалъ Изидоръ, прижимая ее къ кирасу: „зачѣмъ вы еще въ Москвѣ? гдѣ матушка?“

— Тише, Изидоръ, тише!.. матушка нездорова . . . она — очень больна. —

Изидоръ вздрогнулъ. „Больна!“ произнесъ онъ дрожащимъ голосомъ: больна! и въ такое время! . . . Ты знаешь, Анюта. . . “

— Знаю, мой Изидоръ — отвѣчала Анюта со слезами, — знаю, что непріятель будетъ въ Москвѣ, и отчаяніе овладѣло было мною. . . Но ты съ нами, и я теперь спокойна! —

Они услышали голосъ матери, зовущій Анюту. Изидоръ хотѣлъ ид-

ти съ нею, но она его остановила. — Ради Бога! сказала она, подожди меня здѣсь, Изидоръ! Матушка очень слаба; надобно ее приготовить къ свиданію съ тобою. — Она ушла и оставила его одного.

Изидоръ, сложивъ руки, стоялъ среди комнаты, погруженный въ тяжкую думу. Мысли, одна другой печальнѣе, одна другой ужаснѣе, тѣснились въ его головѣ: непріятель вступитъ въ городъ, а его мать больна и не можетъ спастись! Анюта должна остаться съ нею! . . Онъ любилъ мать со всею горячностію добраго сына; но Анюта, сирота, воспитанная въ ихъ домѣ, была его невѣста! Онъ содрогался отъ ужаса, когда помышлялъ, что больная его мать будетъ въ рукахъ непріятеля; но кровь застывала въ его жилахъ, самое мучительное чувство раздирало его сердце, когда представлялась ему Анюта, пре-

лестная Анюта, во власти неистоваго врага!

Анюта позвала его къ матери. Старушка лежала въ постелѣ; блѣдность покрывала лице ея. Съ трудомъ протянула она къ нему руку. „Сынъ мой“ сказала она умирающимъ голосомъ: „благодарю Создателя, что мнѣ довелось тебя еще разъ увидѣть! . . Я не ожидала такого счастія. По крайней мѣрѣ теперь умру спокойно. . . Анюта останется не безъ защитника. Да благословитъ васъ Богъ, мои дѣти! . .“ Старушка не въ силахъ была говорить болѣе. Изидоръ орошалъ слезами ея руку; Анюта рыдала.

Изидоръ находился въ мучительномъ положеніи. И мать и невѣста были успокоены его пріѣздомъ, между тѣмъ, какъ самое жестокое недоумѣніе терзало его душу. Нельзя было и думать о спасеніи престарѣлой матери. Онъ готовъ былъ

вынесть ее на себѣ изъ города, но малѣйшее движеніе причиняло ей нестерпимую боль и могло погасить едва тлѣющую искру жизни. Съ другой стороны, какъ рѣшиться оставить ее въ рукахъ непріятеля? и что тогда будетъ съ Анютою? .. Время было дорого; онъ не могъ не открыть своей невѣстѣ чувствованій, его тревожившихъ. Старушка послѣ привѣтствія, сдѣланнаго сыну, казалось, впала въ забвеніе. Изидоръ съ Анютою стояли въ той же комнатѣ у окна и разговаривали между собою въ полголоса, полагая, что мать не слышитъ ихъ.

„Анюта!“ говорилъ Изидоръ: „думала ли ты объ опасностяхъ, которымъ подвергается молодая дѣвушка, оставаясь въ Москвѣ? Знаешь ли ты, что при одной мысли о томъ, холодный потъ проступаетъ по мнѣ? — Какъ? моя Анюта въ рукахъ непріятелей! .. Я бы лучше согласился ....“

— Любезный Изидоръ! отвѣчала Анюта съ невинною улыбкою: я теперь совершенно спокойна, потому, что ты со мною. —

Изидоръ страшился объявить ей, что служба, долгъ, честь не дозволяютъ ему оставаться съ ними; онъ сказалъ только, тяжело вздохнувъ: „Могу ли я защитить тебя противъ цѣлой арміи? Охотно пожертвую жизнію; но когда меня не станетъ, что будетъ тогда? . . .“

Старушка услышала ихъ разговоръ, и велѣла подойти ближе къ себѣ. Любезныя дѣти! сказала она слабымъ голосомъ: о чемъ вы безпокоитесь? Я стара, больна и чувствую, что смерть приближается ко мнѣ скорыми шагами. Оставьте меня здѣсь и спасайтесь. . . Я не могу и не должна быть причиною вашего несчастія. Поспѣшайте, любезныя дѣти! благословеніе матери

вашей и послѣдняя молитва ея будутъ вамъ сопутствовать! . . . .

Изидоръ и Анюта упали на колѣни. — Нѣтъ! вскричали они оба въ одинъ голосъ: нѣтъ, матушка, мы васъ не оставимъ! — Тщетно старушка ихъ уговаривала; они были непреклонны. — Если должно намъ умереть — сказала Анюта, обнявъ Изидора — то умремъ вмѣстѣ. Не страшна смерть, когда она не разлучаетъ насъ съ милыми! —

Изидоръ оставилъ мать и невѣсту и вышелъ въ другую комнату. Долго ходилъ онъ взадъ и впередъ большими шагами. Со всѣхъ сторонъ угрожали ему неминуемыя бѣдствія, нигдѣ не находилъ онъ спасенія! Покинуть умирающую мать, отдать на поруганіе милую невѣсту . . . . какой сынъ, какой любовникъ рѣшился бы на то? Но бросить свои знамена и остаться въ Москвѣ, когда присяга, честь и

Русская кровь зовутъ его на поле брани . . . какая ужасная крайность для Русскаго воина! — Въ изступленіи отчаянія Изидоръ ломалъ руки, скрежеталъ зубами и рвалъ на себѣ волосы. . . Наконецъ любовь и ревность одержали верьхъ надъ долгомъ и честію: Изидоръ рѣшился остаться. . .

Строгій читатель! прежде нежели холодное сердце твое станетъ обвинять Изидора, вообрази себя на его мѣстѣ — и ты о немъ пожалѣешь!

Изидоръ возвратился къ матери. „Анюта!“ сказалъ онъ: „я отлучусь въ свою комнату на короткое время . . . Оставь меня одного; я скоро возвращусь.“

Рѣшившись оставаться въ Москвѣ, Изидоръ долженъ былъ спрятать свой мундиръ, чтобъ отдалить малѣйшее подозрѣніе непріятеля.

Въ глубокой печали вошелъ онъ въ комнату. — Здѣсь все напоминало ему о дняхъ счастливой, беззаботной молодости. Онъ вздохнулъ, вспомнивъ, съ какими блистательными надеждами въ послѣдній разъ оставилъ онъ родительскій домъ; какъ разгоралась въ немъ кровь при мысли о славныхъ браняхъ, его ожидавшихъ! А теперь . . . куда дѣвались очаровательныя картины, освѣщенныя восхитительною зарею молодости? . . Пусть и успѣетъ онъ спасти умирающую мать отъ грозящей опасности; пусть удастся скрыть Анюту отъ алчныхъ взоровъ необузданнаго врага; — но что ожидаетъ его въ будущемъ? Безчестіе и раскаяніе! . . . .

Изидоръ подошелъ къ шкафу, гдѣ лежала прежняя его одежда, которую незадолго предъ тѣмъ промѣнялъ онъ на блестящій кирасирскій мундиръ. Медленно и дрожащими руками снималъ онъ съ себя

воинскіе доспѣхи. Увы! думалъ онъ: когда всѣ вооружаются для спасенія Царя и отечества; когда всѣ пылаютъ нетерпѣніемъ смѣшать кровь свою съ кровію ненавистнаго врага . . . я, какъ презрительный трусъ, долженъ бѣжать отъ сраженія! . . . Вѣчное посрамленіе покроетъ мое имя . . . постигнетъ меня смерть постыдная, и никто не пожалѣетъ о мнимомъ измѣнникѣ! . . .

Изидоръ держалъ въ рукахъ палашъ; медленно вынулъ онъ острое желѣзо изъ стальныхъ ноженъ; въ послѣдній разъ хотѣлъ онъ взглянуть на вѣрнаго товарища. . . . . Вдругъ ужасная мысль, какъ молнія, опалила его душу! . . . Онъ приставилъ острый конецъ меча къ біющемуся сердцу . . . . одно мгновеніе — и Изидоръ избѣгнетъ безчестія, котораго страшится болѣе смерти! . . . Но онъ вспомнилъ о матери, вспомнилъ объ Анютѣ —

и рука его онѣмѣла. Онъ опять вложилъ палашъ въ ножны, и откинулъ его далеко отъ себя!

Уложивъ мундиръ свой, шишакъ и кирасъ въ сундукъ, Изидоръ понесъ его въ садъ. Тамъ, подъ высокимъ кленомъ, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ былъ свидѣтелемъ его дѣтскихъ забавъ, онъ глубоко зарылъ сундукъ.

Когда засыпалъ онъ яму и прикрылъ ее дерномъ, то ему показалось, что онъ похоронилъ въ ней честь свою. . . . Почти безъ памяти упалъ онъ на холодную землю. . . Долго лежалъ онъ неподвижно; наконецъ токи слезъ вырвались изъ его очей и облегчили стѣсненную грудь. Онъ всталъ и возвратился въ домъ.

Анюта обрадовалась, увидѣвъ его во фракѣ. — Теперь я не буду ежеминутно дрожать за тебя, любез-

ный Изидоръ — сказала она, обнявъ его нѣжно. Богъ милостивъ; чего намъ страшиться? Вѣдь и Французы такіе же люди, какъ мы! Пойдемъ къ матушкѣ; пріѣздъ твой возвратилъ ей силы, и она рада будетъ, когда удостовѣрится, что ты остаешься съ нами. —

Она взяла Изидора за руку и подвела къ матери. Старушка въ самомъ дѣлѣ казалась гораздо бодрѣе прежняго. Увидя дѣтей своихъ, она не много приподнялась. „Изидоръ! сказала она: гдѣ ты такъ долго былъ?“

— Матушка! — отвѣчала Анюта: взгляните на него . . . не правда ли, что ему пристало это платье? Теперь-то я совершенно покойна. Пускай непріятель входитъ въ Москву; храбрые воины наши не долго дадутъ ему здѣсь пожить! Все опять будетъ по старому, и мы будемъ счастливы! —

„Храбрые наши воины!“ повторилъ Изидоръ вздыхая: „а меня не будетъ съ ними!“

Старушка пристально на него посмотрѣла, и какъ будто опомнилась отъ тяжелаго сна. Изидоръ! вскричала она: что я вижу? За чѣмъ ты не въ мундирѣ? —

„Матушка!“ отвѣчалъ Изидоръ дрожащимъ голосомъ: „я долженъ или оставить службу, или покинуть васъ! Жребій мой рѣшенъ: я остаюсь съ вами!“

— Изидоръ! благодарю тебя за твою любовь. . . . Но отечество въ опасности; оно тебя призываетъ — и голосъ его долженъ быть убѣдительнѣе слезъ матери. —

„Матушка! могу ли оставить васъ обѣихъ во власти непріятеля?“

— Сынъ мой! я желала, чтобъ ты закрылъ мои угасающіе глаза. . . . Но судьбы Господа неисповѣдимы! Если Ему угодно, то я готова умереть и одна. —

„Матушка! не раздирайте моего сердца . . . я рѣшился!“

— Рѣшился? на что? на безчестное дѣло? . . Ты рѣшился забыть долгъ, честь, присягу, данную тобою предъ лицемъ Спасителя твоего! Знаешь ли ты, какая участь ожидаетъ воина, оставившаго свои знамена? —

„Знаю, что меня ожидаетъ смерть . . . Но я рѣшился умереть съ вами или за васъ!“

— Я не принимаю отъ тебя этой жертвы. Смерть не страшна, страшно безчестіе! Изидоръ, надъ нами Богъ! Онъ насъ защититъ! А если суждено тебѣ

умереть, то умри за отечество. —

„Матушка, любезная матушка! пожалѣйте обо мнѣ! Что будетъ съ Анютой?“

— И надъ нею рука Божія! Изидоръ, я чувствую, что близокъ мой конецъ . . . не отравляй послѣднихъ часовъ моей жизни! Пусть закрою я глаза въ отрадномъ увѣреніи, что единственный сынъ мой не обезчестилъ имени отца своего! —

Въ продолженіе сего разговора Анюта стояла какъ приговоренная къ смерти. Румянецъ щекъ ея потухъ, и наполненные слезами глаза попеременно обращались то на Изидора, то на старушку. Изидоръ упалъ на колѣни. „Пусть будетъ по вашему, матушка!“ сказалъ онъ тихимъ голосомъ. Иду готовиться къ отъѣзду!“

Анюта громко закричала и безъ памяти кинулась къ нему на шею.

Сіе зрѣлище привело Изидора въ изступленіе. „Нѣтъ, матушка“ сказалъ онъ рѣшительно: „нѣтъ! не оставлю Анюты своей на поруганіе непріятелю. . . Вы не понимаете ужаснаго чувства, которое раздираетъ мое сердце при одномъ о ней помышленіи! . . “

— Сынъ мой! ободрись, уповай на молитву матери и на благость Господню! Онъ насъ не оставитъ. Но ты долженъ возвратиться въ армію! —

„Нѣтъ, матушка! это свыше силъ человѣческихъ. . .“

— Изидоръ! сказала мать съ глубокимъ чувствомъ: вѣришь ли ты тому, что я тебя люблю со всею горячностію матери, имѣющей единственнаго сына — радость

моей жизни и утѣшеніе моей старости? —

„Знаю, матушка.“

— Такъ исполни послѣднюю просьбу мою, послѣднее мое приказаніе: оставь насъ подъ кровомъ Божіимъ и возьми съ собою благословеніе матери. Но если ты презришь законы чести, — если непріятель найдетъ тебя здѣсь въ постыдномъ бездѣйствіи; то сердце мое тебя отвергнетъ. . . Измѣнникъ своему отечеству да устрашится проклятія умирающей матери! —

Старушка приклонила голову къ подушкѣ и, казалось, отъ сильнаго напряженія лишилась чувствъ. — Изидоръ подошелъ къ Анютѣ. „Другъ мой!“ сказалъ онъ едва внятнымъ голосомъ: „ты видишь, что мнѣ должно ѣхать! Завтра, прежде нежели заря освѣтитъ печальную Москву, я удалюсь отъ васъ . . .

Анюта! не забывай, что ты моя!..“ Потомъ онъ приблизился къ матери. „Матушка!“ произнесъ онъ, приложивъ дрожащія уста къ ея рукѣ: „матушка, не кляните вашего сына! Я ѣду!...“ Старушка не въ силахъ была ему отвѣчать, но слабая рука ея благословила любезнаго сына, и потомъ, какъ мертвая, опустилась на одѣяло.

Бѣдная Анюта не говорила ни слова. Она не понимала опасности, ее ожидающей; но сердце ея цѣпенѣло отъ страха при мысли о томъ, что Изидоръ ее оставитъ — и въ какое время!... Она горько заплакала, когда онъ возвратился къ нимъ — въ кирасирскомъ мундирѣ. Насталъ вечеръ и Изидоръ простился съ матерью, которая отъ слабости едва могла открыть глаза, когда онъ поцѣловалъ ея руку. Потомъ обратился онъ къ Анютѣ и прижалъ ее къ сердцу. — „Прости, мой другъ! про-

сти моя Анюта! Да сохранитъ васъ Богъ!"

Анюта крѣпко обняла милаго друга и долго не пускала его изъ своихъ объятій. — Мы еще увидимся, Изидоръ! сказала она наконецъ: мы еще разъ простимся! —

Изидоръ удалился въ свою комнату. Ему не приходило даже на мысль отдыхать; самыя ужасныя картины мучили его воображеніе и терзали его сердце. — Ему представлялось, какъ непріятели входили въ городъ и разсыпались по всѣмъ улицамъ, по всѣмъ домамъ. Пьяные солдаты врывались и въ его хижину; мать его тогда уже скончалась: безчеловѣчные ругались надъ мертвымъ тѣломъ. Одинъ изъ нихъ сильнымъ ударомъ сабли отдѣлилъ ея голову отъ охладѣвшаго трупа . . . Голова покатилась подъ столъ, и сѣдые волосы ея разостлались по окровавленному полу. . .

Громкій смѣхъ раздавался въ его ушахъ! . . Изъ другой комнаты притащили плачущую Анюту . . . Алчные взоры хищниковъ бродили по юнымъ прелестямъ Русской красавицы. Одинъ изъ нихъ обнялъ ее дымящеюся отъ крови рукою . . . . Изидоръ ударилъ себя въ грудь и подошелъ къ открытому окну, чтобъ разсѣять мрачныя мысли.

Ночь была прекрасная. Милліоны звѣздъ яркимъ свѣтомъ отдѣлялись отъ темной лазури неба. Все было тихо; ничего въ природѣ не предвѣщало бѣдствій, угрожавшихъ древней столицѣ Русскаго Царства. Изидоръ пошелъ въ садъ; медленными шагами приблизился онъ къ вѣтвистому клену. — Увы! подумалъ онъ: когда опять прійду я подъ тѣнь твою, какія чувства тогда наполнять будутъ мою душу? И гдѣ тогда будетъ Анюта? . .

Онъ услышалъ за собою тихій шорохъ, оглянулся — и Анюта бросилась въ его объятія. „Матушка почиваетъ“ сказала она ему. „Любезный Изидоръ, я останусь съ тобою; ты вѣрно не будешъ спать, и мои глаза также не смыкаются!“ Они сѣли подъ кленъ на дерновую скамью. Анюта близко прижалась къ Изидору; прелестная голова ея покоилась на его плечѣ. Взоры ихъ искали другъ друга. Сердце Изидора сильно трепетало; пламень протекалъ въ его жилахъ; уста ихъ соединились въ жаркій и продолжительный поцѣлуй. . . Они забыли предстоящую имъ разлуку, — забыли Москву въ рукахъ непріятеля, — забыли все . . . кромѣ своей любви.

На другой день, когда утренняя заря начала разгонять мракъ ночи, Изидоръ и Анюта встали съ дерновой скамьи. Первые лучи восходящаго солнца освѣтили живой ру-

мянецъ стыдливости на щекахъ Анюты. Слезы заблистали на прекрасныхъ ея голубыхъ глазахъ.—Изидоръ! и ты меня оставишь . . . теперь? —

„Анюта! мой милый другъ, моя жизнь! часъ разлуки приближается; ты знаешь, что я долженъ ѣхать!“ — Ахъ, Изидоръ! что со мною будетъ? . . Но нѣтъ, я не стану тебя удерживать. Поѣзжай съ Богомъ; я готова на все! И будь спокоенъ, мой Изидоръ! я лучше умру — — —

Изидоръ осѣдлалъ Феникса. Бодрый конь забылъ уже вчерашнюю усталость; онъ грызъ удила и билъ копытомъ въ землю. Изидоръ привязалъ его къ забору и пошелъ къ матери. Старушка казалась погруженною въ сладкій сонъ; ея дыханіе едва было примѣтно. Онъ тихонько приложился къ ея рукѣ. „Если она проснется“ — сказалъ онъ Анютѣ — „попроси ее, чтобъ она благословила своего сына!“

Они вмѣстѣ сошли съ крыльца. „Теперь прости, моя Анюта, моментъ быть на вѣки! . . Прости — моя . . . на жизнь и на смерть моя!“

— Будь спокоенъ, мой Изидоръ! отвѣчала она. Я буду помнить свой долгъ; ты увидишь меня достойною себя, или — совсѣмъ меня не увидишь! —

Они еще разъ обнялись; слезы ихъ смѣшались . . . Наконецъ Изидоръ насильно вырвался изъ ея объятій и сѣлъ на нетерпѣливаго коня. — Будь покоенъ, мой Изидоръ! — еще разъ повторила Анюта. Онъ взглянулъ на нее въ послѣдній разъ: въ правой ея рукѣ блисталъ обнаженный кинжалъ; солнечные лучи играли на гладкомъ желѣзѣ. — Вотъ мой защитникъ! — сказала Анюта. Изидоръ печально отвернулъ голову, ударилъ шпорами Феникса и вскорѣ скрылся изъ глазъ своей Анюты.

Долго стояла она на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ ее оставилъ. Наконецъ она опомнилась и возвратилась къ матери.

Въ первый разъ послѣ шести недѣль, показавшихся вѣрному Русскому народу шестью вѣками, зазвучали опять колокола на высокихъ башняхъ величественнаго Кремля. Вздрогнули сердца немногихъ жителей, остававшихся въ Москвѣ во время нашествія Французовъ; — но не зная, чему приписать давно не слышанный звукъ, они не смѣли еще выйти изъ домовъ своихъ. — Наконецъ громъ пушекъ и ружейные выстрѣлы достигли ихъ слуха. Волнуемые страхомъ и надеждою, отважились они показаться за ворота — и восхищенный взоръ ихъ встрѣтилъ храбрыхъ Донцовъ, скачущихъ по улицамъ разоренной столицы! . . Какое радостное чувство объяло ихъ, при видѣ своихъ

избавителей! Но мужественные Русскіе воины не могли въ полной мѣрѣ раздѣлять съ ними этого чувства . . . Сердце ихъ обливалось кровію, крупныя слезы катились по смуглымъ ихъ ланитамъ, при видѣ престольнаго града. — Это ли Москва бѣлокаменная! думали они, — и взоры ихъ тщетно искали знакомыхъ мѣстъ посреди дымящихся развалинъ! Груды кирпича возвышались на мѣстѣ огромныхъ каменныхъ палатъ; веселые деревянные домики превратились въ кучи пепла и углей, и большія пространства внутри города являлись ужасными пустынями.

Вдоль по новой Басманной скакалъ молодой кирасирской Офицеръ, сопровождаемый нѣсколькими Козаками. Вороной конь его несся во всю прыть прямо къ Ехалову мосту. На груди Офицера блисталъ Георгіевскій крестъ; рука его, еще не исцѣленная отъ тяжелой раны, бы-

ла перевязана. Онъ не обращалъ никакого вниманія на развалины Москвы, на разбросанные по улицамъ трупы . . . взоры его стремились прямо впередъ. На блѣдномъ лицѣ его написаны были глубокая печаль и сильное нетерпѣніе достигнуть желаемаго мѣста. Такимъ образомъ промчался онъ чрезъ Ехаловъ мостъ и направилъ путь къ Красному Селу. Подъѣхавъ къ церкви Тихвинской Божіей Матери, онъ остановился, и изумленный взоръ его блуждалъ по всѣмъ сторонамъ. Онъ соскочилъ съ лошади и пристальнѣе сталъ всматриваться въ мѣсто, на которомъ находился. Здѣсь, думалъ онъ, приходская наша церковь; тутъ — онѣ жили! . . .

Тщетно, бѣдный Изидоръ! тщетно будешь ты искать родительскаго дома! — Свирѣпое пламя давно пожрало мирную хижину, гдѣ проводилъ ты счастливые дни юности, и осенніе вѣтры успѣли уже раз-

вѣять и пепелъ ея! . . Изидоръ долго стоялъ, какъ вкопанный, на одномъ мѣстѣ. Вдругъ громко вскрикнулъ онъ и бросился къ высокому дереву, простиравшему къ нему длинныя обгорѣлыя вѣтьви. Онъ узналъ кленъ, осѣнявшій послѣднее свиданіе его съ Анютою, и безъ чувствъ упалъ на землю. — Бывшіе съ нимъ Козаки подняли его и отнесли въ домъ, уцѣлѣвшій отъ общаго пожара.

Тамъ пролежалъ онъ цѣлый день въ безпамятствѣ. Когда наступила ночь, онъ всталъ и не сказавъ никому ни слова, вышелъ изъ дому и поспѣшными шагами пошелъ къ своему саду. Одинъ изъ товарищей его послѣдовалъ за нимъ. Изидоръ подошелъ къ клену. Въ это время выглянула изъ за тучи луна, и при блѣдномъ свѣтѣ ея видно было, что онъ съ изумленіемъ отскочилъ назадъ, какъ будто встрѣтилъ что-то не ожиданное! — Потомъ онъ опять приблизился къ дереву. „Это

ты, Анюта?“ сказалъ онъ томнымъ и вмѣстѣ радостнымъ голосомъ. „Отъ чего платье твое облито кровью? . . Гдѣ кинжалъ?“ . . . Вѣтеръ ударилъ въ сухія вѣтьви высокаго клена — и въ шорохѣ вѣтьвей и въ свистѣ вѣтра товарищу Изидора послышался голосъ, отвѣчающій: въ моемъ сердцѣ! . . . Изидоръ глубоко вздохнулъ. „Сядь подлѣ меня, Анюта!“ сказалъ онъ, опускаясь на дерновую скамью. „Я радъ, что тебя вижу. . . .“

Луна скрылась за облаками, ночная темнота опять разостлалась по воздуху и съ нею водворилась глубокая тишина. — Молодой Офицеръ закутался въ плащь и рѣшился пробыть всю ночь при Изидорѣ, чтобы въ случаѣ нужды подать ему руку помощи; но Изидоръ былъ спокоенъ до самаго разсвѣта. Тутъ всталъ онъ съ скамьи и пошелъ съ товарищемъ въ домъ, не отвѣчая ни слова на всѣ его вопросы.

Такимъ образомъ провелъ онъ нѣсколько дней. Пока солнце свѣтило на горизонтѣ, онъ спокойно оставался дома, — не говорилъ ни съ кѣмъ; но иногда улыбался, когда товарищи его ласкали и изъявляли участіе въ судьбѣ его. . . Но какъ скоро наставала ночь, то невозможно было удержать его; онъ спѣшилъ къ любезному своему клену. — Товарищи, любившіе храбраго и добраго Изидора, попеременно стерегли его, и всякой разъ слышали, что онъ съ кѣмъ-то разговариваетъ. Иногда рылся онъ между сгорѣвшими бревнами — остававшимися на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ домъ — и какъ будто чего-то искалъ. Однажды (это было въ четвертый день послѣ вступленія Россіянъ въ Москву), товарищъ его по обыкновенію подошелъ къ нему на разсвѣтѣ, чтобъ проводить его домой. Изидоръ неподвижно сидѣлъ подъ кленомъ. . . Глаза его еще были открыты, но душа уже

оставила бренное свое жилище. — Окостенѣвшая рука его держала заржавленный кинжалъ . . . Передъ нимъ лежалъ полуистлѣвшій человѣческій черепъ. . .

— Признаюсь откровенно — сказалъ Двойникъ, когда я пересталъ читать — что мнѣ не очень нравится конецъ вашей повѣсти. Для меня невѣроятнымъ кажется свиданье Изидора съ тѣнью Анюты, о которомъ вы намѣкаете. Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что это возможно? —

„Я думаю" отвѣчалъ я: „что невозможнаго въ такомъ явленіи ничего нѣтъ. Этого рода предметы такъ для насъ отвлеченны, такъ далеко превышаютъ человѣческое понятіе, что безразсудно было бы отвергать ихъ возможность. Правда, что доказать возможность эту

не менѣе трудно; но я столько читалъ и слышалъ разсказовъ о людяхъ, являвшихся послѣ смерти, что въ мнѣніи моемъ, нѣкоторые изъ нихъ, по крайней мѣрѣ, заслуживаютъ вѣроятіе. Одинъ Лейпцигской врачь, на примѣръ, который и теперь еще живъ, написалъ цѣлую книгу подъ заглавіемъ: *Явленіе жены моей послѣ смерти.* Сколько припомнить могу, явленія эти начались тѣмъ, что спустя нѣсколько дней по смерти Докторши, страстно любимой мужемъ, гитара ея, висѣвшая на стѣнѣ, сама собою начала издавать звуки, а потомъ и цѣлые акорды. Когда Докторъ пріучился къ этому необыкновенному явленію, то въ одинъ вечеръ ему послышался голосъ покойницы. . . Сначала она произносила только по нѣскольку словъ; спустя немного времени, стала съ нимъ разговаривать, а кончилось тѣмъ, что и сама показалась. Не смотря однакожъ на

любовь его къ покойницѣ, первое ея появленіе до чрезвычайности его испугало. Наконецъ онъ къ тому привыкъ: съ нетерпѣніемъ ожидалъ ея прихода, разговаривалъ съ нею часто и долго и совѣтовался во всѣхъ дѣлахъ — однимъ словомъ, она по прежнему осталась вѣрнымъ ему другомъ и сохранила послѣ смерти всѣ тѣ пріятныя качества, которыя украшали ее при жизни, съ тою только разницею, что не такъ уже была капризна. Докторъ сообщилъ о счастіи своемъ нѣсколькимъ друзьямъ, которые разсказали о томъ своимъ знакомымъ, — и такимъ образомъ свиданія его съ покойною женою сдѣлались извѣстны всему городу. Многіе смѣялись надъ нимъ, иные сожалѣли, считая его помѣшаннымъ. Но когда Докторъ рѣшился громко утверждать, что это точно справедливо, и когда наконецъ напечаталъ книгу, гдѣ подробно описалъ явленія жены своей; тог-

да нашлись люди, которые ему повѣрили. — И въ самомъ дѣлѣ, какую причину могъ имѣть человѣкъ, извѣстный и ученый, обманывать цѣлый свѣтъ и подвергать себя насмѣшкамъ невѣрующихъ, если бы дѣйствительно онъ не имѣлъ свиданій съ покойницею?"

— Ахъ, почтенный Антоній! сказалъ Двойникъ: я не буду спорить о возможности такихъ явленій; — но впрочемъ, какъ неудачно выбранъ примѣръ, вами предлагаемый! —

„Почему неудачно? — Я самъ читалъ эту книгу; она находится въ моей библіотекѣ, и если прикажете, я тотчасъ вамъ ее принесу."

— Вѣрю, вѣрю, любезный другъ! книга эта и мнѣ извѣстна; я даже могу разсказать вамъ, чѣмъ кончилось самое происшествіе, а именно: Докторъ вашъ лѣтъ пятнадцать сряду утверждалъ, что жена ему

является, и многіе въ томъ не сомнѣвались, — какъ вдругъ совѣсть его стала мучить и онъ признался, что всѣ разсказы его и книга, имъ напечатанная, не что иное, какъ одна выдумка. —

„Не ужели?“ вскричалъ я съ удивленіемъ.

— Точно такъ. Докторъ и теперь живетъ въ Лейпцигѣ, но лишился уваженія публики и, вѣрно, жалѣетъ о прежнихъ своихъ разсказахъ.

„Помилуйте! какую же онъ въ томъ находилъ пользу?“

— Для меня довольно понятно, какъ онъ былъ до того доведенъ. Сначала, можетъ быть для шутки, или чтобъ чѣмъ нибудь отличиться, разсказывалъ онъ свои чудесныя приключенія. Чѣмъ менѣе ему вѣрили, тѣмъ болѣе онъ утверждалъ, что говоритъ правду; наконецъ,

чтобъ не прослыть лжецомъ, рѣшился даже напечатать о томъ книгу, полагая, что тогда никто въ справедливости сомнѣваться не станетъ. —

„По этому, если бъ Докторъ не вздумалъ чрезъ нѣсколько лѣтъ раскаяться въ своей лжѣ, то многіе остались бы въ твердомъ увѣреніи, что Докторша дѣйствительно являлась ему послѣ смерти?“

— Безъ сомнѣнія. Я увѣренъ, что многія чудесныя происшествія этого рода оканчивались бы такимъ же вздоромъ, если бъ выдумавшій оныя былъ столько совѣстенъ, какъ вашъ Докторъ. —

„Согласитесь однако, что случается много такихъ происшествій, въ которыхъ сомнѣваться никакъ нельзя. Мнѣ пришелъ теперь на мысль анекдотъ, и я вамъ перескажу его. Въ одной знатной Шведской

фамиліи хранится перстень, который я самъ видѣлъ у Графа Ст**, бывшаго въ концѣ прошедшаго столѣтія Посланникомъ въ Парижѣ. Это большой изумрудъ, изображающій голову Юпитера и принадлежащій безъ сомнѣнія къ величайшимъ рѣдкостямъ, дошедшимъ до насъ отъ Римлянъ. Графъ разсказывалъ мнѣ слѣдующее странное происшествіе, въ которомъ перстень этотъ игралъ значительную роль.

Мать Графа имѣла помѣстье въ окрестностяхъ Вѣны и часто посѣщала столицу, гдѣ много у ней было знакомыхъ и родныхъ. Однажды пріѣхала она туда поздно ввечеру и — не помню, по какой причинѣ — не остановилась въ занимаемомъ ею обыкновенно домѣ, а расположилась въ одномъ извѣстномъ трактирѣ. Графиня очень устала отъ дороги, и потому замкнувъ дверь, легла спать. Лишь только она уснула, какъ вдругъ

пробуждена была страшнымъ шумомъ, какъ будто происходившимъ подъ поломъ. — Она приподнялась въ постели и сквозь кисейную занавѣску, при свѣтѣ ночника, увидѣла, что какой-то предметъ, котораго ясно разглядѣть не могла, медленно выходитъ изъ подъ полу! Предметъ этотъ поднимался выше, выше — и потомъ началъ подходить къ кровати. . . . Не успѣла она еще придумать, что ей дѣлать, какъ занавѣсь вдругъ раздернулась — и предъ глаза Графини предстала женщина высокаго роста, блѣдная, какъ смерть, и закутанная въ бѣлой окровавленной простынѣ! . . . Въ первую минуту она чрезвычайно испугалась. Собравшись однако съ духомъ, подумала, что ей пригрѣзился страшный сонъ. Она протирала себѣ глаза, но тщетно: привидѣніе стояло предъ нею неподвижно! Графиня была женщина твердаго духа и чистой совѣсти, и потому перекрестясь спросила. „Чего

ты отъ меня требуешь? Если могу тебѣ быть полезною, говори; — если же нѣтъ, исчезни и оставь меня въ покоѣ!"

— Обѣщайся исполнить мою просьбу — отвѣчало привидѣніе громко и внятно, хотя губы его не шевелились.

„Обѣщаюсь" сказала Графиня: „если просьба твоя не заключаетъ въ себѣ ничего, противнаго святой вѣрѣ и законамъ."

— Такъ выслушай меня. Въ жизни я была законная жена практирщика, хозяина этого дома. Извергъ возненавидѣлъ меня и рѣшился убить. Сего дня ровно минуло три года, какъ зазвавъ меня въ эту самую комнату, въ глубокую полночь, онъ заперъ дверь и изъ подъ кровати вытащилъ большой топоръ, заранѣе имъ приготовленный . . . Сначала я думала, что онъ меня

только стращаетъ, и со слезами упала къ его ногамъ. Но онъ безжалостно разрубилъ мнѣ голову... Потомъ завернулъ тѣло мое въ простыню и зарылъ подъ поломъ. На другой день онъ объявилъ, что не знаетъ, куда я дѣлась; плакалъ, сулилъ большія деньги тому, кто меня отыщетъ, и такимъ образомъ обманувъ всѣхъ, остался не наказаннымъ. Никто не подозрѣваетъ его въ убійствѣ, а кости мои до сихъ поръ остаются не похороненными! Требую отъ тебя — продолжалъ мертвецъ, бросивъ грозный взглядъ на Графиню, внимавшую ему съ ужасомъ — требую, чтобы завтра же ты съѣздила къ Министру и настояла, чтобы отрыли мои кости и предали ихъ землѣ. —

„Охотно исполню твое желаніе" отвѣчала Графиня. „Но скажи сама, можно ли это сдѣлать? Чѣмъ докажу я справедливость жалобы моей на твоего мужа? Положимъ даже,

что меня послушаютъ, и въ слѣдствіе того здѣсь подъ поломъ дѣйствительно найдутъ человѣческія кости; твой мужъ тогда скажетъ, что онъ не знаетъ, по какому случаю онѣ тутъ очутились.“

— Объяви, что я сама тебѣ о томъ разсказала — продолжало привидѣніе.

„Хорошо; но кто мнѣ повѣритъ, и не сочтутъ ли словъ моихъ бредомъ?“

Мертвецъ призадумался. — Твоя правда — сказалъ онъ по нѣкоторомъ молчаніи. — Я тебя однако научу, что сдѣлать должно, чтобы тебѣ повѣрили. Изумрудный перстень твой извѣстенъ всѣмъ здѣсь въ городѣ; Министръ самъ видѣлъ его нѣсколько дней тому назадъ. Кинь его ко мнѣ въ голову, и завтра, когда отроютъ кости, онъ находиться будетъ въ моемъ черепѣ. —

При сихъ словахъ мертвецъ сталъ на колѣни, сбросилъ съ себя простыню и положилъ раздвоенную голову на постель. Графиня вздрогнула . . . однако перекрестившись, снова ободрилась, сняла съ пальца перстень, бросила его въ раздвоенную голову мертвеца и слышала, какъ онъ зазвѣнѣлъ, ударясь объ кость . . . — Благодарствую — сказало, вставая, привидѣніе и исчезло сквозь полъ.

Графиня, проснувшись на другое утро, все происшествіе это сочла за странную грезу. Увидѣвъ однако, что перстня нѣтъ на рукѣ, она такъ живо вспомнила всѣ подробности страшнаго видѣнія, что не могла сомнѣваться въ справедливости онаго. Немедленно поѣхала она къ Министру, объяснила все дѣло и настояла, чтобъ подняли полъ въ той комнатѣ, гдѣ она ночевала. Дѣйствительно найдены были тамъ человѣческія кости и остатки по-

луистлѣвшей простыни, на которой видны еще были слѣды запекшейся крови. Трактирщикъ нагло увѣрялъ, что ему неизвѣстно, чьи это кости. Но когда Графиня, по обѣщанію данному мертвецу, обвинила его въ убійствѣ, разсказавъ въ подробности все ею видѣнное, и когда въ разрубленномъ черепѣ нашли изумрудный перстень; то онъ поблѣднѣлъ, упалъ къ ея ногамъ и признался въ своемъ преступленіи. — Кости въ тотъ же день были погребены на кладбищѣ, а трактирщикъ вскорѣ потомъ получилъ должное наказаніе.

— Анекдотъ, вами разсказанный, возразилъ Двойникъ, довольно занимателенъ, и меня немного подиралъ морозъ по кожѣ, когда описывали вы, какъ мертвецъ раздвоенную голову свою подносилъ Графинѣ, и какъ перстень зазвѣнѣлъ, ударясь о пустой черепъ. . . . Удивляюсь мужеству Графини, ибо

рѣдкой мужчина могъ бы сохранить при этомъ хладнокровіе; но позвольте предложить вамъ маленькое сомнѣніе. Анекдотъ вашъ имѣетъ большое сходство съ повѣстью о двухъ друзьяхъ, о которыхъ говоритъ Цицеронъ; помните ли вы ее? —

„Не совсѣмъ" отвѣчалъ я.

— И я не очень помню подробностей, продолжалъ Двойникъ; но вотъ, кажется, какъ дѣло происходило: Цицеронъ разсказываетъ, что двое Аркадянъ путешествовали вмѣстѣ и прибывъ въ Мегару, остановились въ разныхъ домахъ. Ночью одинъ изъ нихъ увидѣлъ во снѣ, что товарищъ его убѣдительно проситъ прійти къ нему на помощь, потому, что хозяинъ трактира, въ которомъ онъ остановился, намѣренъ его зарѣзать. Видѣвшій сонъ пробудился; но считая явленіе это обыкновеннымъ сномъ, не всталъ

съ постели и вскорѣ опять заснулъ. Товарищъ его снова ему является, заклиная его со слезами какъ можно поспѣшить къ нему. „Хозяинъ уже приближается ко мнѣ съ большимъ ножемъ“ говорилъ онъ ему. „Если ты не поспѣшишь, то будетъ поздно!“ . . . Путешественникъ вторично просыпается, но никакъ не можетъ рѣшиться повѣрить сну, и опять засыпаетъ. Наконецъ другъ его является ему въ третій разъ и упрекаетъ его въ медленности. „Теперь уже поздно“ говоритъ онъ . . . „Я зарѣзанъ и зарытъ въ такомъ-то мѣстѣ. Постарайся, по крайней мѣрѣ, чтобы убійца мой не остался ненаказаннымъ, и чтобы надъ тѣломъ моимъ совершены были должные обряды.“ Путешественникъ на другой день идетъ отыскивать друга своего, находитъ убитаго въ означенномъ мѣстѣ и изобличаетъ трактирщика въ убійствѣ.

— Не согласитесь ли вы со мною, что есть нѣкоторое сходство между этими двумя исторіями? — продолжалъ Двойникъ. — Что до меня касается, то мнѣ кажется, что происшествіе съ Графинею Ст. ** не что иное, какъ подражаніе Цицерону, раскрашенное, преувеличенное и приноровленное къ новѣйшему вкусу. —

„Въ вашей волѣ вѣрить или не вѣрить" отвѣчалъ я. „Справокъ забирать теперь невозможно, ибо ни Цицерона, ни Графини нѣтъ на свѣтѣ; но я могу представить вамъ другой Анекдотъ, который, кажется, менѣе подвергнуть можно сомнѣнію. Къ извѣстной Англійской фамиліи Турботъ, не за долго еще предъ симъ, принадлежалъ одинъ молодой человѣкъ, который имѣлъ друга, любимаго имъ страстно. Оба они вели жизнь развратную, ничему не вѣрили и часто шутили надъ смертію, полагая въ безум-

номъ своемъ кощунствѣ, что человѣкъ не имѣетъ безсмертной души, и что одни слабоумные могутъ страшиться будущей жизни! Однажды сидя за полною чашею пунша, они опять начали разговоръ объ этомъ предметѣ, и воспаленные спиртовыми парами, дали другъ другу клятву въ томъ: что первый изъ нихъ, который умретъ, непремѣнно явится другому, буде, противъ чаянія, послѣ смерти удостовѣрится, что душа его безсмертна. Мысль эта столько показалась имъ забавною, что они шутя написали собственною кровію своею клятву, каждый на особомъ листѣ; потомъ размѣнялись листами и условились, что какъ скоро оставшійся въ живыхъ возметъ въ руки полученное имъ отъ умершаго друга обязательство, то сей послѣдній непремѣнно долженъ ему явиться.

Чрезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того другъ Турбота умеръ. Турботъ

сожалѣлъ о кончинѣ его, но совсѣмъ забылъ о клятвенномъ обѣщаніи. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, — какъ въ одинъ день Турботъ пошелъ къ себѣ въ библіотеку, чтобъ отыскать книгу, въ которой имѣлъ нужду. Онъ отворилъ шкафъ и нечаянно положилъ руку на исписанный кровію друга его листъ, остававшійся столь долгое время въ забвеніи. Вдругъ слышитъ онъ голосъ, зовущій его по имени. . . Онъ оглянулся, и увидѣлъ покойника стоящаго за нимъ! Тутъ вспомнилъ онъ о взаимной клятвѣ, и содрогнулся. . . Другъ сказалъ ему: „Турботъ! доколѣ не протекло еще время невозвратно, — покайся, исправься! Я позналъ, что душа безсмертна; позналъ, что есть возмездіе дѣламъ нашимъ въ той жизни: тяжки настоящія мои страданія, но я заслужилъ ихъ. Покайся, Турботъ! доколѣ время не протекло невозвратно. . . Вотъ что оставляю тебѣ въ знакъ прежней дружбы и

въ память нашего свиданія!“ . . . Сказавъ слова сіи, онъ положилъ руку на дубовый столъ, стоявшій предъ нимъ, и исчезъ. — Турботъ подошелъ къ столу и съ ужасомъ увидѣлъ, что толстая дубовая доска прогорѣла насквозь! . . Слѣды пяти пальцовъ несчастнаго друга его ясно были видны. Турботъ послѣ сего явленія совершенно перемѣнилъ образъ жизни своей, обратился къ вѣрѣ и чрезъ нѣсколько времени скончался съ чувствованіями и надеждами истиннаго Христіанина. Столъ и донынѣ хранится въ его семействѣ.“

— Разсказанное вами происшествіе весьма нравоучительно — сказалъ Двойникъ — и я очень далекъ отъ того, чтобъ отвергать его возможность. Милосердый Создатель нашъ, съ нѣжностію Отца пекущійся о человѣкѣ, безчисленными и различными путями ведетъ его ко благу. Я твердо увѣренъ, что допускают-

ся Имъ иногда таковыя явленія для предостереженія заблужденныхъ. Однако я убѣжденъ и въ томъ, что изъ тысячи таковыхъ анекдотовъ, разсказываемыхъ и печатаемыхъ, можетъ быть, найдется не болѣе одного справедливаго. Замѣтьте, что почти всѣ они одинъ на другой похожи; происшествіе съ Турботомъ имѣетъ разительное сходство съ явленіемъ, о которомъ повѣствуетъ Штиллингъ въ сочиненіи своемъ: *Θеорія духовъ*. И тамъ является мертвецъ, увѣщаваетъ и предостерегаетъ знакомыхъ, и наконецъ взявъ въ руку книгу, прожигаетъ ее пальцами на сквозь. —

„Скажите мнѣ пожалуйте, какого вы мнѣнія объ этой *Θеоріи духовъ*?“ спросилъ я у Двойника. — „Я давно о ней слышалъ, но до сего времени она не попадалась мнѣ въ руки.“

— Штиллингъ — отвѣчалъ Двойникъ — былъ человѣкъ, достойный уваженія по добрымъ качествамъ и пламенной ревности къ распространенію полезныхъ и назидательныхъ истинъ. Въ сочиненіяхъ его, кои всѣ стремятся къ одной цѣли, вы найдете весьма много хорошаго; но и онъ, какъ и многіе другіе, не во всемъ соблюдалъ мѣру; и потому-то иногда, особливо въ Ѳеоріи духовъ, вмѣсто страха, который думаетъ произвесть въ читателяхъ, возбуждаетъ совсѣмъ другое чувство. . . Онъ разсказываетъ, на пр., что въ извѣстномъ учебномъ заведеніи въ Брауншвейгѣ, называемомъ Carolinum, за нѣсколько лѣтъ предъ симъ умеръ одинъ Профессоръ. Спустя немного времени послѣ смерти его, нѣкоторые ученики замѣтили, что онъ по прежнему прохаживается по спальнымъ ихъ комнатамъ въ колпакѣ и халатѣ. Они объ этомъ донесли Начальникамъ, изъ которыхъ

одинъ, тоже Профессоръ, никакъ не хотѣлъ тому вѣрить. Однажды онъ вошелъ въ спальню учениковъ и, въ гордомъ невѣріи своемъ, отважился громко просить покойника, чтобы онъ и ему явился. Не успѣлъ онъ договорить приглашенія, какъ дѣйствительно предсталъ предъ него умершій, съ строгимъ видомъ и грозя ему пальцемъ! . . Вы можете себѣ представить, какъ испугался нашъ Профессоръ! но послушайте далѣе. Ночью, вдругъ кто-то будитъ Профессора; онъ открываетъ глаза и видитъ предъ собою умершаго! Покойникъ смотритъ на него пристально и сердито. Наконецъ Профессоръ рѣшается спросить, чего онъ хочетъ? Покойникъ не отвѣчаетъ ни слова, но дѣлаетъ движеніе губами, какъ будто куритъ трубку. Другаго отвѣта онъ добиться никакъ не могъ. Въ слѣдующую ночь тоже явленіе, тѣже вопросы и тоже непонятное движеніе губами. Профессоръ въ

отчаяніи напрягаетъ умъ свой, и наконецъ ему приходитъ счастливая мысль спросить у покойника: не за тѣмъ ли онъ является, что, можетъ быть, его безпокоятъ долги, при жизни имъ не заплаченные? — Покойникъ головою дѣлаетъ утвердительный знакъ, но продолжаетъ шевелить губами. „Не забылъ ли ты заплатить за курительный табакъ?“ Покойникъ повторяетъ тотъ же знакъ. — На другой день забирается справка, и дѣйствительно находятъ, что усопшій остался должнымъ одному купцу два талера и нѣсколько грошей за курительный табакъ. Кто опишетъ радость нашего Профессора, коему наскучили ночныя явленія! Онъ спѣшитъ заплатить два талера и ввечеру ложится спать въ сладкой надеждѣ, что уже ничто не потревожитъ его. Но не тутъ-то было! Въ полночь опять является неугомонный покойникъ, но такъ, что его не весьма ясно

различить можно. — Привидѣніе сіе, казалось, не такъ уже было плотно, какъ въ прежніе разы, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ было даже прозрачно. Оно продолжаетъ дѣлать знаки и движенія, такъ однакоже не ясно, что бѣдный Профессоръ никакъ разобрать ихъ не можетъ. Онъ догадывается, что это должны быть еще какіе нибудь долги; но какіе? вотъ до чего добиться трудно. По долгомъ стараніи ему наконецъ удается разобрать, что знаки покойника имѣютъ сходство съ движеніемъ, какое дѣлаютъ, показывая на стѣнѣ Китайскія тѣни и продергивая разрисованныя стекла сквозь волшебный фонарь. — Онъ опять забираетъ справку и узнаетъ, что покойникъ, за нѣсколько дней предъ кончиною, взялъ у одного пріятеля два такого рода стекла, которыхъ однако не успѣлъ возвратить ему при жизни. — Профессоръ отыскалъ стекла, отдалъ ихъ настоя-

щему хозяину, и съ того времени привидѣніе перестало являться. . . Но чему вы смѣетесь, почтенный Антоній? —

„Я воображаю себѣ“ отвѣчалъ я: „какая бы въ Россіи сдѣлалась суматоха, если бъ у насъ вошло въ моду, чтобы люди, не заплатившіе долговъ своихъ, являлись послѣ смерти и дѣлали знаки!“

— Надобно надѣяться, что этого никогда не будетъ — сказалъ Двойникъ. — Но обратимся опять къ Штиллингу. Въ той же Ѳеоріи духовъ вы найдете слѣдующее разсужденіе, довольно любопытное и оригинальное. Упоминая о привидѣніи, которое будто-бы въ нѣкоторыхъ знатнѣйшихъ Германскихъ домахъ является всегда передъ кончиною одного изъ членовъ фамиліи, и которое въ цѣлой Германіи извѣстно подъ именемъ *Бѣлой женщины* (die weiße Frau), Штил-

лингъ входитъ въ ученыя изслѣдованія, кто такая была при жизни эта Бѣлая женщина? Ему достовѣрнымъ кажется, что Бѣлая женщина — не Графиня Орламинде, какъ обыкновенно полагаютъ; но Баронесса фонъ Лихтенштейнъ, изъ древней и знаменитой фамиліи фонъ Розенбергъ, жившая въ половинѣ пятнадцатаго столѣтія. — Разсказавъ множество анекдотовъ объ извѣстномъ этомъ привидѣніи, которое, по словамъ его, является во многихъ замкахъ Богеміи, также въ Берлинѣ, Баденѣ и Дармштадтѣ, онъ упоминаетъ о томъ, что покойница при жизни была Католическаго исповѣданія, и наконецъ заключаетъ такимъ образомъ: „Вѣроятно, Бѣлая женщина послѣ смерти *перемѣнила законъ* свой; иначе она бы не показывала такого благорасположенія къ Лютеранскимъ фамиліямъ.“ — Вообще Штиллингъ, кажется, не очень жалуетъ Католиковъ. Въ тойже книгѣ онъ повѣ-

ствуетъ о привидѣніи, которое и понынѣ безпокоитъ жителей одного дома. — Они часто слышатъ, какъ оно ходитъ по чердаку, вздыхая и кряхтя, какъ будто на плечахъ у него тяжелая ноша, которую оно сбрасываетъ иногда съ такимъ шумомъ, что полы въ домѣ трещатъ и окна дрожатъ. — Два раза нѣкоторымъ изъ жителей удавалось подсмотрѣть это привидѣніе, и тогда оно показывалось въ видѣ стараго Капуцина, съ большою бородою и въ довольно замаранномъ колпакѣ. — Однажды въ домѣ этомъ скончался набожный и добродѣтельный ткачъ, и замѣтили, что въ это время привидѣніе шумѣло болѣе обыкновеннаго. Штиллингъ увеличившійся этотъ шумъ объясняетъ такъ: Духъ былъ монахъ. Извѣстно, что Католическіе монахи увѣрены, что кромѣ ихъ вѣры нѣтъ спасенія; и потому духу чрезвычайно было досадно, что не смотря на то, Лютеранинъ въ глазахъ его переселился въ вѣч-

ное блаженство, между тѣмъ какъ онъ, будучи Католикомъ, все еще не избавился отъ страданій! — Но всего страннѣе показалось мнѣ слѣдующее разсужденіе: Одинъ изъ жителей тогоже дома, честный и добрый подмастерье, очень желалъ видѣть Капуцина. — Однажды услышавъ, что духъ идетъ по лѣстницѣ на чердакъ, онъ тихонько пошелъ за нимъ и вдругъ отворилъ дверь, обратясь лицемъ къ тому мѣсту, гдѣ происходилъ шумъ. Къ сожалѣнію, онъ не успѣлъ его увидѣть, а только показалось ему, что какая-то сѣрая тѣнь скрылась въ хворостѣ, лежавшемъ въ углу. Подмастерье бросился туда, долго рылся въ хворостѣ, однако ничего не нашелъ. — Авторъ, выхваляя отважность подмастерья, говоритъ, что онъ, будучи набожнымъ человѣкомъ, конечно не имѣлъ причины опасаться Капуцина; но что между тѣмъ поступилъ весьма неосторожно, роясь въ хворостѣ голыми

руками, потому, что испаренія духа могли бы произвесть очень опасные нарывы и болячки на рукахъ...

„Полно!“ вскричалъ я: „полно, Г. Двойникъ! мнѣ кажется, вы шутите! — Возможно ли, чтобъ это было напечатано въ Ѳеоріи духовъ?“

— Прочитайте самую книгу, возразилъ Двойникъ, и вы между многими, весьма назидательными истинами, найдете и разсказанное мною о задолжаломъ Профессорѣ, о Бѣлой женщинѣ и объ отважномъ подмастерьѣ. — Но какъ бы то ни было, обратимся къ какому нибудь иному предмету. Если бы кто подслушалъ сегоднишній разговоръ нашъ, то вѣрно бы подумалъ, что мы ни о чемъ иномъ говорить не умѣемъ.

„И у меня“ сказалъ я: „отъ всѣхъ привидѣній, явленій и мертвецовъ, которыхъ сего дня ввечеру мы выводили на сцену, голова закружи-

лась. Я полагаю, почтенный Двойникъ, причиною этому то, что вы, съ позволенія вашего, сами принадлежите къ числу привидѣній; и потому разговоръ съ вами непримѣтнымъ образомъ, по какому-то магнетическому вліянію, клонится къ предметамъ отвлеченнымъ. Я неоднократно замѣчалъ въ теченіе жизни своей силу этого магнетическаго вліянія, которое иногда беретъ надъ нами верхъ противъ нашей воли. Такъ на пр. я знаю одного человѣка, въ общемъ мнѣніи слывущаго не совсѣмъ глупымъ, но который между тѣмъ ничѣмъ незамѣняемою пустотою своею пріобрѣлъ такую неограниченную власть надъ всѣми знакомыми, что никто не въ состояніи говорить съ нимъ объ иномъ чемъ, кромѣ какъ о пустякахъ. Сколько разъ покушался я начать съ нимъ разговоръ о предметахъ, хотя немного серіозныхъ! Онъ молчитъ, пучитъ глаза, смотритъ на васъ пристально, и нако-

нецъ до того доведетъ васъ глупымъ и ничего не говорящимъ взглядомъ своимъ, что вы противъ воли отъ серіознаго предмета перейдете къ такому, который ему подъ силу, т. е. къ самому пустому."

— Весьма справедливо, отвѣчалъ Двойникъ, сдѣланное вами замѣчаніе относительно магнетическаго вліянія постороннихъ лицъ; однако еще чаще встрѣчаемъ мы людей, которыхъ не посторонее вліяніе, но какая-то внутренняя сила принуждаетъ говорить, кстати и не кстати, объ одномъ и томъ же предметѣ. Возмите въ примѣръ Клита, намъ обоимъ довольно коротко знакомаго. Начните съ нимъ разговоръ, о чемъ хотите. . . Будьте увѣрены, что онъ непремѣнно сведетъ его на любимый свой предметъ, т. е. на самого себя. Ему говорятъ о Наполеонѣ: — И я умру подобною смертію, отвѣчаетъ онъ; кто такъ, какъ мы оба, привыкъ ра-

бошать головою, тотъ долженъ ожидать этого . . . — Вы спрашиваете у него, слышалъ ли онъ новую пѣвицу? Слышалъ, отвѣчаетъ онъ; но что касается до меня, то я — никогда не имѣлъ пріятнаго голоса, хотя, смѣю сказать, не совсѣмъ невѣжда въ музыкѣ, и проч. — Однажды какъ-то при немъ заговорили о превращеніи Навуходоносора въ быка. . . Вотъ ужъ тутъ, подумалъ я, не къ чему придраться Клиту. Повѣрите ли, что я ошибся, любезный Антоній? Мой Клитъ и тутъ нашелся. . . Что касается до меня, сказалъ онъ съ громкимъ хохотомъ, (ибо онъ всегда, и весьма часто одинъ, смѣется остротѣ своей), — что касается до меня, то я никакъ бы не горевалъ, если бъ меня превратили въ быка. Я не люблю мяснаго, да и по слабому здоровью употреблять его не могу; и такъ я кушалъ бы травку, и не имѣлъ бы никакихъ заботъ! — Онъ вѣрно ожидалъ, что всѣ закричатъ

въ одинъ голосъ: помилуйте, Г. Клитъ! Какое бы это было для земнаго шара несчастіе, если бъ вы сдѣлались быкомъ! . . Никто однако не сказалъ ни слова. Еще я знаю другаго. . . —

„Будемъ говорить о чемъ нибудь иномъ" прервалъ я Двойника. „Всѣхъ подобныхъ чудаковъ не пересчитаешь; да и какое намъ до нихъ дѣло? Вы обѣщались, любезный Двойникъ, сообщить мнѣ что нибудь изъ вашихъ сочиненій; я жду этого съ нетерпѣніемъ. А между тѣмъ, чтобы не сбиться намъ опять на прежнюю дорогу, сдѣлаемъ между собою условіе, что какъ скоро кто нибудь изъ насъ, по магнетическому вліянію вашему, заговоритъ о привидѣніяхъ, то другой тотчасъ его остановитъ."

— Весьма охотно! — И такъ позвольте разсказать вамъ повѣсть, которую слышалъ я отъ одного

Полковника, по имени Ф.** — Я буду говорить собственными его словами. Однако . . . не лучше ли оставить повѣсть эту до завтра? —

„Какъ прикажете, любезный Двойникъ; и мнѣ кажется, что сего дня слишкомъ уже поздно.“

ко 1. части.

ВЕЧЕРЪ ТРЕТІЙ.

Пагубныя послѣдствія необузданнаго воображенія.

Въ Маѣ 17** года предпринялъ я путешествіе въ Германію съ молодымъ Графомъ N. . ., котораго отправилъ туда отецъ для окончательнаго ученія въ славномъ Лейпцигскомъ Университетѣ. Наши родители служили долгое время вмѣстѣ на полѣ чести, и сохранили тѣсную связь дружбы въ преклонныхъ лѣтахъ; а потому я не могъ отказать въ неотступной просьбѣ старому Графу, который единственнаго наслѣдника своего имени и богатства желалъ ввѣрить сыну испытаннаго и неизмѣннаго друга.

Сопутнику моему (я назову его Алцестомъ) было тогда не болѣе двадцати лѣтъ. Природный умъ, развитый и украшенный добрымъ воспитаніемъ, благородныя качества души и плѣнительная наружность оправдывали чрезмѣрную къ нему горячность отца и любовь всѣхъ, кто только зналъ его. Я пятнадцатью годами былъ старѣе его, и чувствовалъ къ нему привязанность старшаго брата къ младшему. Въ немъ не были замѣтны недостатки и слабости, столь обыкновенныя въ молодыхъ людяхъ, которые съ младенческихъ лѣтъ видятъ себя отличенными отъ другихъ знатною породою и богатствомъ. Одна только черта въ его характерѣ меня тревожила: Алцестъ, одаренный пылкимъ воображеніемъ, имѣлъ непреодолимую страсть ко всему романическому и, по несчастію, ему никогда не препятствовали удовлетворять оной. Онъ заливался слезами при чтеніи

трогательнаго повѣствованія; я даже неоднократно видѣлъ его страстно влюбленнымъ въ героиню какого нибудь романа. Романическія сочиненія хотя еще не имѣли тогда такихъ страстныхъ приверженцевъ и защитниковъ, какъ нынѣ,— но Гетевы Вертеръ и Шарлота и Жанъ - Жакова Новая Элоиза были уже извѣстны. Я зналъ, что нѣсколько молодыхъ людей, въ Германіи, до того потеряли разсудокъ отъ чтенія сего рода произведеній, что желая подражать Вертеру, лишили себя жизни! Къ тому же въ то время отвлеченная и запутанная философія Канта и Фихте была въ большой модѣ въ Нѣмецкихъ Университетахъ, и Студенты, съ свойственнымъ неопытному юношеству жаромъ, предавались занятію наукою, которую и сами изобрѣтатели едва ли понимали. — И такъ я не безъ основанія опасался, что неодолимая склонность Алцеста предаваться собственному слиш-

комъ пылкому воображенію, можетъ имѣть пагубныя для него послѣдствія. Впрочемъ меня нѣкоторымъ образомъ успокоивало то, что онъ съ терпѣніемъ принималъ дружескіе мои совѣты. Не смотря на разность лѣтъ, отношенія наши другъ къ другу основаны были на взаимномъ уваженіи. Алцестъ весьма обрадовался, узнавъ, что я согласенъ быть ему товарищемъ. Ему назначено было прожить два года въ Лейпцигѣ. Старый Графъ полагалъ, что сынъ его содѣлается чрезъ то болѣе достойнымъ высокаго назначенія, на которое знаменитое происхожденіе, заслуги отца, и несмѣтное богатство давали ему право. И такъ сколь ни трудно ему было разставаться съ обожаемымъ сыномъ, но мысль, что разлука эта послужитъ къ его пользѣ, превозмогла жестокую горесть родительскаго сердца, — и мы пустились въ путь, снабженные достаточнымъ числомъ векселей и сопровождаемые

слезами и благословеніями почтенныхъ нашихъ стариковъ.

Дорогою я не пропускалъ случая остерегать любезнаго спутника моего отъ вліянія неукротимаго его воображенія, и мнѣ казалось, что старанія мои не совсѣмъ были безъуспѣшны. Прибывъ въ Лейпцигъ, мы остановились въ Гриммской улицѣ, въ домѣ, приготовленномъ для насъ Банкиромъ Фр. * *, который предувѣдомленъ былъ о нашемъ прибытіи.

Первыя двѣ недѣли протекли въ осматриваніи города и прелестныхъ его окрестностей. Банкиръ познакомилъ насъ въ нѣсколькихъ домахъ, коихъ хозяева, вопреки Германской бережливости, любили принимать иностранцевъ. — Читатель, которому случалось быть въ Германіи, конечно не оставилъ безъ замѣчанія хорошаго расположенія Нѣмцовъ къ Русскимъ. И такъ никому не по-

кажется удивительнымъ, что молодой, пригожій и богатый Русскій Графъ, изъясняющійся на Нѣмецкомъ языкѣ какъ природный Саксонецъ, вскорѣ обратилъ на себя вниманіе всего небольшаго, но многолюднаго города. Алцестъ, имѣя въ свѣжей памяти мои совѣты, былъ вѣжливъ и ласковъ со всѣми; но, казалось, не примѣчалъ ни своекорыстной похвалы матушекъ, ни привѣтливой улыбки дочекъ. . . Отвлеченныя разсужденія важныхъ и чинныхъ Профессоровъ и глубокіе разсчеты предпріимчивыхъ купцовъ, занимали его болѣе, нежели плѣнительные взгляды и шутливые разговоры Лейпцигскихъ красавицъ.

Подаривъ нѣсколько времени безшумнымъ удовольствіямъ, новыми нашими знакомыми намъ доставленнымъ, мы вскорѣ принялись за настоящее дѣло, за которымъ пріѣхали въ Германію. Алцестъ съ жаромъ предался ученымъ занятіямъ,

и я долженъ былъ отвлекать его отъ трудовъ излишнихъ и для здоровья вредныхъ.

Такимъ образомъ прожили мы около трехъ мѣсяцевъ, какъ вдругъ замѣтилъ я въ товарищѣ своемъ незапную перемѣну. Онъ сдѣлался задумчивъ, убѣгалъ моего сообщества и охотно оставался одинъ въ своей комнатѣ. Сначала приписывалъ я это какой нибудь болѣзни или огорченію; но Алцестъ на вопросы мои отвѣчалъ, что онъ здоровъ и счастливъ, и просилъ о немъ не безпокоиться. Между тѣмъ задумчивость его часъ отъ часу увеличивалась. Когда казалось ему, что никто за нимъ не примѣчаетъ, вздохи вырывались изъ груди его — и я по неволѣ долженъ былъ заключить, что имъ овладѣла сильная страсть къ неизвѣстному мнѣ предмету. Я внимательнѣе сталъ за нимъ примѣчать; но долго не могъ ничего открыть. Съ нѣкотораго

времени онъ совершенно отсталъ отъ всѣхъ нашихъ знакомыхъ. Цѣлые дни просиживалъ запершись въ своей комнатѣ, въ которую не охотно впускалъ даже камердинера своего, находившагося при немъ съ самаго младенчества. Не зная, какимъ образомъ объяснить странное поведеніе Алцеста, я рѣшился поговорить о томъ съ вѣрнымъ Иваномъ; но и отъ него ничего не узналъ удовлетворительнаго. Старый слуга, покачавъ головою, сказалъ мнѣ съ печальнымъ видомъ: „вѣдь то-то и бѣда, что вы, господа, ничему не вѣрите; я боюсь, чтобъ Графа нашего не заколдовали! Лучше было бы оставаться намъ дома; здѣсь хорошему ничему не бывать.“

Что мнѣ оставалось дѣлать, при такихъ обстоятельствахъ? Я любилъ Алцеста, какъ роднаго брата; трогательныя просьбы почтеннаго отца его отзывались въ душѣ моей; обязанность, принятая мною

на себя, рѣшительно требовала, чтобы я не допускалъ молодаго Графа предаваться задумчивости, тѣмъ болѣе меня безпокоившей, что я не понималъ ея причины. Я принялъ твердое намѣреніе принудить его объясниться, хотя и не могъ скрыть самъ отъ себя, сколь таковая мѣра была затруднительна при пылкомъ и непреклонномъ нравѣ юнаго моего друга.

Однажды Алцестъ, отобѣдавъ вмѣстѣ со мною, по обыкновенію намѣренъ былъ удалиться въ свою комнату. „Не хотите ли вы прогуляться?“ сказалъ я ему. „Погода прекрасная, и я поведу васъ въ такое мѣсто, котораго вы еще не видали и которое вамъ, вѣрно, понравится.“

— Извините меня, любезный Ф . . ., отвѣчалъ онъ; я не могу идти съ вами. У меня болитъ голова; мнѣ надобно отдохнуть! —

Сказавъ это, онъ поклонился и ушелъ къ себѣ.

Я почти предвидѣлъ этотъ отвѣтъ; но рѣшившись, во чтобъ то ни стало, принудить его къ объясненію, я послѣдовалъ за нимъ, немного погодя, и остановился у дверей. Графъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатѣ; потомъ подошелъ къ окну, тяжело вздохнулъ и опять началъ ходить. Я слышалъ, какъ онъ разговаривалъ самъ съ собою; казалось, будто онъ съ нетерпѣніемъ кого-то ожидалъ. Наконецъ онъ опять приблизился къ окну. Вотъ она! воскликнулъ онъ довольно громко, подвинулъ стулъ и сѣлъ. Въ эту минуту я вдругъ отворилъ дверь. Алцестъ вскочилъ поспѣшно, задернулъ у окошка занавѣсь и спросилъ у меня, закраснѣвшись и дрожащимъ голосомъ: — что вамъ угодно? —

„Любезный Графъ!“ отвѣчалъ я ему. „Я давно замѣтилъ, что вы

отъ меня таитесь, и потому пришелъ спросить васъ о причинѣ этой скрытности, этой холодности, къ которымъ не могу привыкнуть.“

Онъ смѣшался, и по нѣкоторомъ молчаніи сказалъ, потупивъ глаза въ землю: — Я люблю и уважаю васъ по прежнему; но — прибавилъ онъ почти съ сердцемъ — мнѣ нужно быть одному, и вы крайне меня обяжете, если оставите меня въ покоѣ. —

„Алцестъ!“ возразилъ я: „я поѣхалъ съ вами изъ угожденія къ почтенному родителю вашему и по собственному вашему желанію. Если мое присутствіе вамъ въ тягость, если я потерялъ вашу довѣренность, то мнѣ дѣлать здѣсь нечего, и я немедленно отправлюсь назадъ. Прощайте! отъ всей души желаю вамъ счастія!“

Алцестъ взглянулъ на меня; онъ замѣтилъ, что глаза мои наполнены были слезами, и доброе сердце его не могло противостоять горести друга. Онъ зарыдалъ и бросился ко мнѣ на шею. — Будь великодушенъ! вскричалъ онъ: прости меня! Я чувствую, что виноватъ предъ тобою. . . Но съ нѣкоторыхъ поръ я самъ не знаю, что дѣлаю, что говорю . . . Сильная страсть, какъ бездонная пропасть, поглотила всѣ чувства мои, всѣ понятія! —

Я обнялъ его и просилъ успокоиться. „Вы меня удивляете“ сказалъ я. „Мнѣ неизвѣстенъ предметъ любви вашей; не понимаю даже, когда и гдѣ вы могли съ нимъ познакомиться; — но надѣюсь, что онъ достоинъ Алцеста, и прошу мнѣ открыть сердце ваше.“

— Ахъ! воскликнулъ онъ: это не дѣвушка, — это Ангелъ. Я не знаю еще ни имени ея, ни званія, но увѣ-

ренъ, что и то и другое соотвѣтствуетъ такой небесной красотѣ! Вы увидите ее, любезный Ф. . . и не будете удивляться моей страсти. —

Онъ подвелъ меня къ окну, отдернулъ занавѣсь и указавъ на домъ, находившійся противъ нашего, продолжалъ съ восторгомъ: — взгляните и признайтесь, что вы никогда не видѣли подобнаго Ангела! —

Глаза мои быстро послѣдовали направленію его перста; я увидѣлъ сидящую у окна дѣвушку, и въ самомъ дѣлѣ изумился! Никогда даже воображенію моему не представлялась такая красавица. Гриммская улица не широка и я могъ разсмотрѣть всѣ черты прелестнаго лица ея. Черные волосы небрежными кудрями упадали на плеча, бѣлыя, какъ Карарскій мраморъ. Ангельская невинность блистала въ ея взорахъ. Нѣтъ! ни геній Рафаеля,

ни пламенная кисть Корреджія — живописца Грацій, ни вдохновенный рѣзецъ неизвѣстнаго ваятеля Медицейской Венеры, никогда не производили такого лица, такого стана, такого собранія прелестей неизъяснимыхъ! Она взглянула на насъ и улыбнулась. Какой взглядъ, какая улыбка! „Алцестъ,“ сказалъ я: „не удивляюсь вашей страсти; она для меня теперь понятна. . . Но скажите, какъ могли вы побѣдить любопытство ваше? Неужели не старались вы узнать имя этого Ангела?“

— Ахъ! отвѣчалъ онъ: я и самъ недавно только узналъ, что она здѣсь живетъ, хотя прелестный образъ ея давно уже ношу въ сердцѣ. Мѣсяца два тому назадъ я гулялъ за городомъ. Вечеръ былъ прекрасный, и я, задумавшись, забрелъ довольно далеко по большой дорогѣ, ведущей въ Алтенбургъ. Подходя къ небольшому лѣсочку, я услышалъ спорящіе

между собою два голоса. Споръ казался весьма жаркимъ; но не понимая языка, на которомъ говорили, я не могъ отгадать, о чемъ шло дѣло. Изъ нѣсколькихъ словъ я успѣлъ только заключить, что изъяснялись по-Испански.

Вы знаете, что я не любопытенъ, однако въ эту минуту — какая-то непонятная сила понуждала меня подойти ближе. Я увидѣлъ сидящую неподвижно подъ деревомъ дѣвушку, съ опущенными внизъ глазами. Бѣлый прозрачный вуаль, которымъ покрыто было ея лице, не мѣшалъ мнѣ различить ея прелестныя черты! Она, казалось, не принимала никакого участія въ томъ, что близъ нея происходило, хотя, какъ я тотчасъ замѣтилъ, сама она была предметомъ слышаннаго мною жаркаго спора. Передъ нею стояли два человѣка, которыхъ голосъ и движенія изъявляли величайшую ярость. Одинъ изъ нихъ —

высокій мужчина, въ красномъ плащѣ, въ треугольной шляпѣ — хотѣлъ подойти къ красавицѣ; а другой — гораздо меньшій ростомъ, ходущавый, въ свѣтлосѣромъ сертукѣ, въ круглой сѣрой шляпѣ съ широкими полями — не допускалъ его. Ссора кончилась дракою. Уже красный плащъ повалилъ на землю своего соперника, уже протягивалъ онъ руки къ сидящей подъ деревомъ дѣвушкѣ,—а я все еще стоялъ неподвижно, не зная, кому изъ нихъ предложить свою помощь . . . Наконецъ взоръ, брошенный мною на лице высокаго мужчины, рѣшилъ мое недоумѣніе. Вы не можете представить, какая адская радость выражалась въ его физіогноміи! Уже схватилъ онъ за руку дѣвицу, какъ вдругъ я выскочилъ изъ за кустовъ. „Остановись!“ закричалъ я ему по-Нѣмецки. „Я не позволю никакого буйства!“

Неожиданное мое появленіе удивило ихъ. Красный плащъ взгля-

нулъ на меня пристально и громко захохоталъ. „Пускай же эта госпожа сама рѣшитъ, кому она хочетъ принадлежать!“ вскричалъ онъ. Я подошелъ къ ней, почтительно поклонился и сказалъ: ожидаю вашихъ приказаній, Милостивая Государыня! Но она все молчала . . . Я догадался, что она была въ обморокѣ.

Между тѣмъ мужчина въ сѣромъ сертукѣ подошелъ къ своему сопернику. „Венгурино!“ сказалъ онъ ему: „теперь ты со мною не сладишь. Совѣтую тебѣ удалиться!“ — Хорошо! отвѣчалъ красной плащъ; — мы съ тобою въ другой разъ разочтемся. А васъ — продолжалъ онъ, обратясь ко мнѣ — васъ, Графъ, поздравляю отъ всего сердца. Рыцарской вашъ подвигъ въ свое время будетъ достойно вознагражденъ. — Выговоривъ сіи слова, онъ опять захохоталъ и скрылся между деревьями. Еще нѣсколько минутъ спустя послѣ того слышанъ

былъ въ дали громкій его хохотъ, который, не знаю по чему, вселялъ въ меня ужасъ!

Оставшись съ соперникомъ краснаго плаща, я изъявилъ сожалѣніе и сердечное участіе свое въ положеніи страдалицы. „Это пройдетъ“ отвѣчалъ онъ, схватилъ ее подъ-руку, и она открыла глаза! Я бросился къ ней, но незнакомецъ не допустилъ меня предложить ей мои услуги. Онъ самъ вывелъ ее изъ лѣсочка, посадилъ въ коляску и сѣвъ подлѣ нея, приказалъ кучеру ѣхать. Я былъ въ такомъ смущеніи, что не успѣлъ выговорить ни одного слова; когда же опомнился, то коляска была далеко. Не знаю, обмануло ли меня воображеніе мое, но я замѣтилъ, что при прощаніи со мною, на лицѣ незнакомца показалась таже адская улыбка, которая прежде поразила меня въ его соперникѣ. —

Тутъ Алцестъ задумался и помолчавъ нѣсколько секундъ, продолжалъ: — Съ этой роковой минуты образъ неизвѣстнаго мнѣ Ангела не выходилъ изъ моей памяти. Не повѣряя никому чувствованій сердца, я старался отыскать самъ предметъ любви моей и, какъ безумный, бродилъ по всѣмъ Лейпцигскимъ улицамъ. Но всѣ поиски оставались тщетными. Единственное утѣшеніе мое состояло въ томъ, чтобы, сидя въ своей комнатѣ, предаваться сладкой надеждѣ — когда нибудь съ нею опять встрѣтиться. Образъ ея сопровождалъ меня повсюду; но вмѣстѣ съ нимъ преслѣдовали меня и пронзительный хохотъ краснаго плаща, и адская радость, изображавшаяся въ чертахъ человѣка въ сѣромъ сертукѣ! Представьте жъ себѣ мое восхищеніе, когда, сего дня поутру, нечаянно взглянувъ на этотъ домъ, я увидѣлъ у окна свою прелестную незнакомку! . . Теперь я счастливъ! Мы смотримъ другъ

на друга . . . она мнѣ кланяется и улыбается . . . и, если самолюбіе меня не обманываетъ, то она не совсѣмъ ко мнѣ равнодушна. —

Во все продолженіе его разсказа я не спускалъ глазъ съ сидящей противъ насъ красавицы. — Она какъ будто догадывалась, что о ней говорятъ; отъ времени до времени пріятная улыбка являлась на ея розовыхъ устахъ; но чѣмъ болѣе я въ нее всматривался, тѣмъ страннѣе она мнѣ казалась. Не знаю самъ, отъ чего, но какой-то страхъ овладѣлъ мною. Мнѣ представилось, будто изъ за-прекрасныхъ плечь ея попеременно показывались двѣ безобразныя головы: одна въ треугольной черной шляпѣ, другая въ круглой сѣрой съ большими полями. Стыдясь самъ своего ребячества, я оставилъ Алцеста, давъ ему напередъ обѣщаніе, употребить всѣ силы для полученія вѣрныхъ и подробныхъ свѣденій о незнакомой красавицѣ.

Въ тотъ день было уже поздно, и я отложилъ исполненіе своего обѣщанія до другаго утра. Между тѣмъ мнѣ хотѣлось развлечь себя чтеніемъ, но глаза мои пробѣгали страницы, не передавая занятой незнакомкою душѣ моей ни одной мысли. Комната Алцеста была надъ моею спальней, и ко мнѣ доходили его вздохи, слышались шаги его; онъ прохаживался по комнатѣ, и всякой разъ у окна останавливался. Признаюсь, что и я не могъ удержаться, чтобъ не подойти къ окошку. Незнакомка все еще сидѣла на томъ же мѣстѣ. Удивительно, что прелестный образъ ея и въ моемъ воображеніи никакъ не могъ разлучиться съ отвратительнымъ видомъ обоихъ соперниковъ! Красный плащъ и сѣрый сертукъ мелькали передъ моими глазами въ глубинѣ ея комнаты, которая вся была видна изъ моихъ окошекъ. Настала ночь; незнакомка закрыла окно и отошла. При свѣтѣ зажженныхъ

лампъ я видѣлъ, что она сѣла за арфу, и вскорѣ сладкіе звуки Италіанской музыки очаровали слухъ мой.

Наконецъ я легъ спать, однако съ трудомъ могъ заснуть. Въ самомъ глубокомъ снѣ звуки арфы раздавались въ ушахъ моихъ и смѣшивались съ пронзительнымъ хохотомъ, о которомъ разсказывалъ Алцестъ. . .

На другой день рано по утру я занялся собираніемъ свѣденій о незнакомкѣ, и узналъ безъ большихъ хлопотъ, что весь тотъ домъ занятъ пріѣзжимъ Профессоромъ Андрони, прибывшимъ изъ Неаполя нѣсколько недѣль тому назадъ. Андрони — сказано мнѣ — испросилъ отъ Университетскаго Совѣта позволеніе читать лекціи чистой Математики, Механики и Астрономіи, и вскорѣ откроетъ курсъ сихъ наукъ. Онъ, по видимому, человѣкъ весьма достаточный; ибо за наемъ

дома платитъ довольно дорого, а за нѣсколько дней передъ его пріѣздомъ прибылъ сюда его обозъ, состоящій изъ многихъ повозокъ и нѣсколькихъ тяжело-навьюченныхъ муловъ. Самъ онъ живетъ въ нижнемъ этажѣ, а верхній занимаетъ дочь его, Аделина, дѣвица красоты необыкновенной. Она еще ни съ кѣмъ незнакома и до сихъ поръ ее видали только у окна. Впрочемъ любимая его наука Механика, и комнаты дочери его, сколько могли замѣтить сосѣди, наполнены разными машинами и инструментами, привезенными изъ Неаполя въ обозѣ.

Съ сими извѣстіями я поспѣшилъ къ Алцесту. Онъ кинулся ко мнѣ на шею, и въ радостномъ восторгѣ воскликнулъ: „Любезный Ф. . ! мы будемъ слушать его лекціи . . . мы съ нимъ познакомимся . . . мы сблизимся съ Аделиною! . . .“

— Очень хорошо, отвѣчалъ я; но не забудьте, что съ завтрешняго дня начинается ярманка, которая продолжится двѣ недѣли, и что лекціи Г. Андрони, вѣроятно, не прежде начнутся, какъ по окончаніи оной. —

Мы рѣшились однако того же утра идти къ нему и просить о принятіи насъ въ число его слушателей. Графъ не могъ дождаться минуты, которая должна была познакомить насъ съ отцемъ Аделины. Онъ тотчасъ хотѣлъ къ нему отправиться, хотя не было еще семи часовъ утра, и я съ трудомъ могъ упросить его дождаться удобнѣйшаго времени. Онъ надѣялся ее увидѣть! . . . Наконецъ ударилъ часъ, нетерпѣливо ожиданный, — и мы почтительно постучались у дверей Профессора. Андрони встрѣтилъ насъ самъ. „Это онъ!“ шепнулъ мнѣ на ухо Алцестъ. На немъ былъ богатый малиновый халатъ,

съ крупными золотыми цвѣтами. Маленькій черный паричокъ съ толстымъ пучкомъ придавалъ какой-то странный видъ длинному орлиному носу, огненнымъ глазамъ и оливковому цвѣту лица, доказывавшимъ южное происхожденіе Профессора. Онъ просилъ насъ сѣсть и тонкимъ пронзительнымъ голоскомъ спросилъ: „Что къ вашимъ услугамъ?“

Никогда не видывалъ я физіогноміи болѣе отвратительной. Какая-то язвительная насмѣшливость изображалась въ вздернутыхъ ноздряхъ, въ судорожномъ кривляніи рта и въ пискливомъ его голосѣ. Но я вспомнилъ, что онъ отецъ Аделины, и съ учтивостію сказалъ ему, что онъ видитъ предъ собою Русскихъ Дворянъ, желающихъ посѣщать его лекціи. Онъ внесъ имена наши въ записную книжку, поблагодарилъ за честь и сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о Россіи. Казалось, что ему

извѣстно было многое, до отечества нашего относящееся. Графа онъ либо не узналъ, либо притворился, что никогда его не видывалъ. Замѣтивъ, что я со вниманіемъ разсматриваю всѣ предметы въ его покояхъ, онъ съ велерѣчіемъ началъ разсказывать о рѣдкостяхъ, вывезенныхъ имъ изъ Египта, и о драгоцѣнныхъ манускриптахъ, найденныхъ въ развалинахъ Помпеи и Геркулана, главный надзоръ надъ коими нѣкогда ввѣренъ ему былъ Его Величествомъ Королемъ Неаполитанскимъ. Онъ обѣщался — когда раскрыты будутъ ящики, привезенные въ обозѣ — показать намъ оставы чудовищъ, извлеченныхъ изъ пучинъ Скиллы и Харибды посредствомъ изобрѣтенной имъ машины. Будучи страстнымъ охотникомъ до древностей, я слушалъ разсказы его со вниманіемъ, хотя непріятный голосъ его такое же на меня произвелъ дѣйствіе, какое испытываемъ, когда острымъ желѣ-

зомъ царапаютъ стекло, или когда рѣжутъ пробку.

Между тѣмъ Алцестъ, попеременно блѣднѣя и краснѣя, ожидалъ минуты, въ которую удастся ему молвить слово объ Аделинѣ. Потерявъ наконецъ терпѣніе, онъ прервалъ рѣчь Профессора и сказалъ ему дрожащимъ отъ робости голосомъ: „Государь мой! позвольте мнѣ... я нѣкогда имѣлъ счастіе . . . дочь вашу . . . каково ея здоровье?“ . . .

Андрони обратилъ на него огненные глаза, и тонкія губы его скривились въ улыбку. — А, а! вскричалъ онъ: такъ это вы? понимаю! . . — Онъ призадумался и потомъ прибавилъ: — Я очень благодаренъ вамъ за услугу, мнѣ оказанную; но имѣю важныя причины желать, чтобы вы не сказывали никому о случаѣ, насъ познакомившемъ. . . Я вижу — продолжалъ онъ, замѣтивъ замѣшательство Графа — что тайна эта

уже не можетъ называться тайною; но если вы никому иному не ввѣрили ея, кромѣ вашего товарища, то я буду спокоенъ, когда Г. Полковникъ Ф. . . дастъ мнѣ честное слово, что онъ никому о ней говорить не будетъ.

Требованіе Профессора крайне меня удивило и увеличило отвращеніе, которое я уже къ нему имѣлъ. Всѣ непріятныя впечатлѣнія, внушенныя мнѣ разсказомъ Алцеста и собственнымъ моимъ наблюденіемъ, какъ будто слились въ одну точку въ душѣ моей, и я хотѣлъ было сказать ему на отрѣзъ, что я тогда только соглашусь хранить его тайну, когда онъ объяснитъ причины, побуждающія его къ такому требованію. Но Алцестъ предупредилъ меня; страшась прогнѣвать отца Аделины, онъ поспѣшилъ его увѣрить, что я съ удовольствіемъ удовлетворю его желаніе, — и я принужденнымъ нашелся дать ему

честное слово. Послѣ того мы откланялись, и Андрони проводилъ насъ до сѣней, повторяя неоднократно, что посѣщенія наши всегда будутъ ему пріятны.

Мы оставили домъ его съ разными чувствами. Алцестъ не помнилъ себя отъ восхищенія, что успѣлъ проложить себѣ путь къ сближенію съ Аделиною. Я же, напротивъ того, былъ задумчивъ и печаленъ. Какое-то унылое предчувствіе наполняло мою душу, хотя и самъ я не понималъ, отъ чего оно во мнѣ возродилось. Странная фигура и отвратительное лице Профессора, непріятный его голосъ и злобная усмѣшка сливались въ воображеніи моемъ съ сверх-естественною красотою его дочери и съ адскимъ хохотомъ краснаго плаща . . . и все это вмѣстѣ составляло смѣсь, отъ которой я чувствовалъ, что волосы мои подымались дыбомъ!

Возвратившись домой, я старался успокоиться, смѣясь самъ надъ собою. Андрони, думалъ я, не что иное, какъ чудакъ, какихъ на свѣтѣ много. Онъ человѣкъ ученый, и это достоинство можетъ заставить забыть непріятный голосъ его. Красный плащъ, вѣроятно, какой нибудь пренебреженный любовникъ; а Аделина . . . Аделина прелестная дѣвушка, въ которую до безумія влюбленъ Алцестъ... Во всемъ этомъ ничего нѣтъ удивительнаго.

Съ сими размышленіями я подошелъ къ окну, и опять увидѣлъ Аделину. Она взглянула на меня, поклонилась мнѣ съ неизъяснимою пріятностію, — и печальныя предчувствія мои исчезли, какъ сонъ!

На другой день мы опять явились у Андрони. Онъ принялъ насъ, какъ старыхъ знакомыхъ, и побесѣдовавъ немного съ нами, самъ предложилъ пойти въ верхній этажъ.

Легко представить себѣ можно, съ какимъ восхищеніемъ Алцестъ принялъ такое предложеніе! Казалось, что Профессоръ это замѣтилъ; онъ обратился ко мнѣ и сказалъ съ усмѣшкою: — Вы теперь не увидите моей дочери; она никогда не жила въ большомъ свѣтѣ и потому чрезвычайно застѣнчива. — Алцестъ тяжело вздохнулъ и печально взглянулъ на меня. Я понялъ причину его печали и самъ не могъ не пожалѣть о томъ, что не увижу Аделины. Андрони, по видимому, не замѣчалъ нашего огорченія. Онъ показывалъ намъ модели разныхъ машинъ и объяснялъ въ подробности ихъ дѣйствія. Большіе органы съ флейтами обратили на себя мое вниманіе. Андрони дернулъ за снурокъ и прекрасная музыка загремѣла. Я не могъ довольно похвалить вѣрность игры и пріятный тонъ инструмента. — Это ничего нестоющая бездѣлка! сказалъ мнѣ Андрони; органы эти со-

ставлены мною въ часы, свободные отъ важнѣйшихъ занятій.

Въ это время очаровательная гармонія раздалась въ ближней комнатѣ, въ которую дверь была заперта. — Моя Аделина играетъ на арфѣ — сказалъ Профессоръ, обратясь къ намъ съ улыбкою. Мы слушали со вниманіемъ. Никакое перо не въ состояніи изобразить всей обворожительности, всей прелести игры ея. Я внѣ себя былъ отъ удивленія! Алцестъ просилъ Профессора позволить ему послушать вблизи небесную игру его дочери. — Аделина моя крайне стыдлива — отвѣчалъ Андрони; похвалы ваши приведутъ ее въ замѣшательство, и я увѣренъ, что она не согласится играть въ вашемъ присутствіи. Къ тому же — прибавилъ онъ — она не ожидала вашего посѣщенія и теперь еще въ утреннемъ уборѣ. Въ другой разъ ей пріятно будетъ съ вами познакомиться. —

Пробывъ еще немного, мы распрощались съ хозяиномъ и возвратились домой, очарованные талантами Аделины.

Вечеромъ посѣтилъ насъ Профессоръ. Онъ одѣтъ былъ по старинному, однакожъ весьма богато. Тотъ же черный паричокъ прикрывалъ его голову, но кафтанъ былъ на немъ желтый бархатный, камзолъ и исподнее платье глазетовые и маленькая стальная шпага висѣла на лѣвомъ его бедрѣ. „Я пришелъ предложить вамъ погулять по ярманкѣ" сказалъ онъ. „Дочь моя никогда не видала такого многолюдства, и вы меня обяжете, если не откажетесь прогуляться съ нами." Разумѣется, что мы съ удовольствіемъ согласились на его предложеніе.

Бывали ль вы въ Лейпцигѣ во время ярманки, любезный читатель? Если нѣтъ, то трудно мнѣ будетъ

изобразить вамъ картину, представившуюся глазамъ нашимъ, когда мы подошли къ площади Неймаркъ. Безчисленное множество людей обоего пола и всѣхъ состояній, въ разныхъ видахъ и одѣяніяхъ, толпились по улицамъ; нижніе этажи всѣхъ домовъ превращены были въ лавки, которыхъ стѣны и окна испещрены развѣшанными хитрою рукою разноцвѣтными товарами. На площади такъ было тѣсно, что мы съ трудомъ могли пройти по оной.

Здѣсь взгромоздившійся на подмостки шарлатанъ, въ шляпѣ съ широкимъ мишурнымъ галуномъ, въ кафтанѣ, вышитомъ золотыми блестками, выхвалялъ свои капли и божился, что онѣ исцѣляютъ отъ всѣхъ болѣзней. Далѣе, на такихъ же подмосткахъ коверкались обезьяны. Тутъ, вымазанный смолою и осыпанный пухомъ и перьями, проказникъ, выдавалъ себя за

дикаря, недавно вывезеннаго изъ Новой Голландіи; а тамъ большой деревянный слонъ удивлялъ зрителей искусными движеніями хобота. Со всѣхъ сторонъ, на всѣхъ Европейскихъ языкахъ купцы предлагали намъ товары. Увлеченные толпою, которая пробиралась въ одинъ изъ домовъ, окружающихъ площадь, мы вошли въ залы, гдѣ щегольски одѣтые, расчесанные и распудренные игроки, съ бриллiантовыми перстнями на всѣхъ пальцахъ, метали банкъ. Въ Лейпцигѣ Правительство на время ярманки отступаетъ отъ строгихъ правилъ, и позволяетъ азартныя игры.

Алцестъ, въ началѣ прогулки нашей, желая идти съ Аделиною, подалъ ей руку; но Андрони предупредилъ его, подскочивъ съ торопливостію, и самъ схватилъ ее за руку. Такая неучтивость Профессора сильно огорчила Графа. Мнѣ самому она показалась стран-

ною, хотя впрочемъ я съ удовольствіемъ видѣлъ заботливость Андрони удалять Графа отъ своей дочери. Странность Профессора, красота Аделины и возрастающая къ ней страсть моего друга дѣлали непріятное на меня впечатлѣніе; но вскорѣ необыкновенное зрѣлище, представлявшееся глазамъ моимъ со всѣхъ сторонъ, привлекло на себя все мое вниманіе. Занимаясь разсматриваніемъ разнообразныхъ предметовъ, находившихся предо мною, и оглушенный шумомъ толпившагося около насъ народа, я не замѣчалъ, что глаза всѣхъ обращены были на насъ. Громкія восклицанія нѣсколькихъ Студентовъ, восхищавшихся красотою Аделины, наконецъ вывели меня изъ разсѣянности: я взглянулъ на прелестную нашу спутницу. Она шла подлѣ отца съ потупленными внизъ очами, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что вокругъ нея происходило. Можно было подумать,

что она ничего не видитъ и ничего не слышитъ. Меня удивило такое равнодушіе въ молодой прекрасной дѣвушкѣ.

Распростясь съ Андрони и его дочерью и возвратясь домой, Графъ съ восхищеніемъ говорилъ объ Аделинѣ.

„Вы, кажется, совсѣмъ не разговаривали съ нею?“ спросилъ я у него.

— Признаюсь — отвѣчалъ онъ — я почти увѣренъ, что бѣдная Аделина весьма несчастна! Отецъ ея болѣе похожъ на тирана, нежели на отца. Нельзя, по крайней мѣрѣ, не подумать этого, видя столь непонятную робость и молчаливость. Безпрестанная ея задумчивость огорчаетъ меня до глубины сердца. При прощаніи я спросилъ у ней: весело ли ей было на ярманкѣ? и не получивъ никакого

отвѣта, повторилъ мой вопросъ. — Аделина! что же ты не отвѣчаешь, когда говорятъ съ тобою? — вскричалъ Профессоръ и съ сердцемъ дернулъ ее за руку. Она вздрогнула, робко на меня посмотрѣла и въ полголоса сказала: „весело.“ При всемъ томъ, любезный Ф. . . я имѣю причины надѣяться, что она ко мнѣ неравнодушна. Во время прогулки нашей, она иногда взглядывала на меня съ такимъ чувствомъ, съ такимъ выраженіемъ!..—

„Алцестъ!“ прервалъ я его „Вы чувствительны и добродѣтельны; скажите откровенно, какія, думаете вы, будетъ имѣть послѣдствія эта страсть, которая совершенно вами овладѣла?“

— Какія послѣдствія? — вскричалъ онъ съ жаромъ.—Можете ли вы ожидать иныхъ, кромѣ женитьбы, если я ей понравлюсь, и если отецъ ея на то будетъ согласенъ? —

„А вашъ родитель?“

— Батюшка меня любитъ и не пожелаетъ моего несчастія. Союзъ съ такимъ Ангеломъ, какъ Аделина, для меня не унизителенъ, не безчестенъ. Она могла бъ быть украшеніемъ трона! —

Я замолчалъ, зная, что противорѣчіе не произведетъ ничего добраго, а напротивъ еще больше раздражитъ пылкаго молодаго человѣка. Но, съ первою почтою, счелъ я обязанностію извѣстить обо всемъ стараго Графа.

День ото дня знакомство Алцеста съ Профессоромъ Андрони дѣлалось тѣснѣе. Я также посѣщалъ его довольно часто. Старикъ принималъ насъ ласково, но никогда не случалось намъ наслаждаться сообществомъ его дочери. Онъ всегда находилъ какой нибудь предлогъ, которымъ старался извинить ея

отсутствіе: то она, по словамъ его, не совсѣмъ была здорова; то занималась необходимыми по хозяйству дѣлами, — однимъ словомъ, онъ очевидно хотѣлъ, чтобъ мы не были вмѣстѣ съ нею. Казалось, что онъ опасался, чтобъ мы не открыли какой нибудь важной для него тайны. Признаюсь, мнѣ неоднократно приходило на мысль, что Андрони не отецъ Аделины, а ревнивый опекунъ, влюбленный въ свою воспитанницу.

Между тѣмъ Алцестъ ежедневно проводилъ цѣлые часы у окна и любовался Аделиною, которая, по видимому, также находила удовольствіе на него смотрѣть. Вскорѣ они завели взаимныя между собою сношенія знаками. Алцестъ увѣренъ былъ, что она къ нему неравнодушна, и любовь его еще болѣе отъ того воспламенилась. Тщетно просилъ я его не предаваться такъ слѣпо страсти своей: совѣты мои не имѣли никакого дѣйствія!

И я съ своей стороны — хотя впрочемъ совершенно съ другою цѣлію — часто наблюдалъ за Аделиною, когда она сидѣла у окна. Я не могъ не удивляться необыкновенной красотѣ ея; но при всемъ томъ, я видѣлъ въ ней нѣчто странное, нѣчто такое, чего никакъ не могъ объяснить себѣ. На ея лицѣ ни одного раза не замѣтилъ я ни выраженія восторга, ни движенія любопытства — однимъ словомъ, ни какой страсти. Такая холодная нечувствительность, такъ сказать, отталкивала мое сердце и въ иныя минуты производила во мнѣ невольный страхъ, котораго я внутренно стыдился. Что касается до Алцеста, онъ не видалъ въ ней никакихъ недостатковъ. Онъ любилъ ее такъ горячо, что каждый взглядъ ея, каждое движеніе приводило его въ восторгъ.

Такимъ образомъ провели мы нѣсколько недѣль, и страсть Алцеста

перестала быть тайною. Всѣ въ городѣ говорили о близкой женитьбѣ молодаго, богатаго Русскаго Графа на дочери Профессора Андрони, а я — съ нетерпѣніемъ ожидалъ отвѣта на письмо, отправленное мною въ Россію.

Однажды, рано по утру, пошелъ я къ Профессору, чтобъ попросить у него объясненія одной трудной Математической задачи. Въ нижнемъ этажѣ дверь была заперта и я, считая себя домашнимъ человѣкомъ, рѣшился идти вверхъ, надѣясь тамъ найти его. Въ первой комнатѣ не было никого, и я пошелъ далѣе. Вообразите жъ себѣ, какимъ былъ я объятъ ужасомъ, когда, отворивъ двери, увидѣлъ Аделину, лежавшую безъ чувствъ на диванѣ! . . Голова ея, опустившаяся съ дивана, лежала на полу; длинные черные волосы, не связанные и ничѣмъ не придерживаемые, совершенно закрывали прекрасное ли-

це ея. Мнѣ показалось, что въ ней нѣтъ ни малѣйшей искры жизни. Я громко закричалъ, и въ самое это мгновеніе вошелъ Андрони. . . „Скорѣй пошлите, — бѣгите за Докторомъ!“ кричалъ я ему. „Дочь ваша умираетъ, — а можетъ быть уже. . .“

Андрони хладнокровно подошелъ ко мнѣ, взялъ меня за руку и отвелъ далѣе отъ дивана. — Государь мой! — сказалъ онъ: мнѣ неизвѣстны Русскія обыкновенія, но полагаю, что у васъ также, какъ у насъ въ Италіи, молодому человѣку не позволяется входить безъ спросу въ комнату молодой дѣвицы. —

Равнодушіе его меня взбѣсило. „Г. Профессоръ!“ отвѣчалъ я: „насмѣшка эта вовсе не у мѣста. Удивляюсь хладнокровію вашему, при видѣ умирающей дочери. . . Позвольте вамъ однако замѣтить, что близкое наше знакомство даетъ мнѣ

нѣкоторое право принимать участіе въ положеніи Аделины.“

При сихъ словахъ какая-то язвительная насмѣшливость выразилась въ рѣзкихъ чертахъ Андрони. — Если участіе ваше основано на дружескомъ ко мнѣ и дочери моей расположеніи — сказалъ онъ, — то вы конечно правы. Но въ такомъ случаѣ я долженъ вамъ объявить, что безпокойство ваше напрасно. Дочь моя здорова; это ничего незначущій припадокъ. — Онъ приблизился къ ней, схватилъ ее за руку и громко назвалъ по имени. Она въ тотъ же мигъ открыла глаза и взглянула на меня, какъ будто ни въ чемъ не бывала! . . Андрони вывелъ ее въ другую комнату, затворилъ дверь и возвратился ко мнѣ. „Я надѣюсь, что вы теперь успокоились?“ сказалъ онъ, усмѣхаясь. Я былъ въ крайнемъ замѣшательствѣ и не зналъ, что отвѣчать. Мы раскланялись съ Профессоромъ; онъ

проводилъ меня до дверей, и мнѣ показалось, что онъ заперъ за мною задвижкой. Я невольно остановился и сталъ прислушиваться. Все было тихо и безмолвно; потомъ услышалъ я какой-то странный шумъ, какъ будто заводятъ большіе стѣнные часы. Опасаясь наконецъ, чтобъ Андрони не засталъ меня подслушивающаго у дверей, я поспѣшно сошелъ съ лѣстницы. Выходя на улицу, невольно взглянулъ я вверхъ и, къ удивленію моему, увидѣлъ Аделину, сидящую у окна въ полномъ блескѣ красоты и молодости!

Необыкновенная, можно сказать, чудная сцена сія сдѣлала глубокое на меня впечатлѣніе. Я рѣшился разсказать о ней Графу. Не успѣлъ я начать мое повѣствованіе, какъ вошелъ къ намъ Андрони. Я замолчалъ.

„Вы, конечно, разсказываете Графу о болѣзни моей дочери?“ спро-

силъ онъ улыбаясь. „Г. Полковникъ“ продолжалъ онъ, обратясь къ Алцесту „принимаетъ самое живое участіе въ моей дочери! Маленькій обморокъ, ничего незначущій припадокъ, которому часто бываютъ подвержены молодыя и слишкомъ чувствительныя дѣвушки, крайне испугалъ его. Хочу однако доказать вамъ, что дочь моя внѣ всякой опасности, — и я, нарочно для этого, пришелъ васъ попросить сдѣлать мнѣ честь пожаловать ко мнѣ на балъ сего дня вечеромъ.“

На балъ? — вскричали мы оба въ одинъ голосъ.

Чтобы понять, отъ чего произошло наше удивленіе, надобно замѣтить, что, кромѣ насъ, Андрони не принималъ никого въ домъ свой. Не смотря на всѣ старанія Студентовъ и другихъ молодыхъ людей, никому, кромѣ насъ, до сихъ поръ не посчастливилось увидѣть ее ина-

че, какъ только въ окошко; и потому, не взирая на то, что мы уже нѣкоторымъ образомъ привыкли къ странностямъ Профессора, намѣреніе его — дать балъ — изумило насъ. Андрони не могъ не замѣтить этого. „Приглашеніе мое васъ удивляетъ?“ сказалъ онъ намъ. „Но я давно желалъ познакомить дочь мою съ здѣшнимъ моднымъ свѣтомъ. Пора отучать ее отъ робости, не приличной ея лѣтамъ. Прощайте; спѣшу заняться приготовленіями къ балу. Вечеромъ мы увидимся!“ Пожавъ намъ руки, онъ поспѣшно удалился.

Мы остались одни. Тщетно старался я внушить Алцесту недовѣрчивость къ Андрони, и умолялъ его быть осторожнымъ. Я къ крайнему огорченію увидѣлъ, что совѣты и наставленія мои были ему непріятны. Когда разсказывалъ я ему, въ какомъ положеніи засталъ Аделину, — на лицѣ его изобрази-

лось сильное безпокойство; но онъ ничего не находилъ необыкновеннаго ни въ поступкахъ старика, ни въ внезапномъ выздоровленіи дочери. Мысль, что онъ весь вечеръ проведетъ съ Аделиною, совершенно овладѣла его воображеніемъ и онъ не обращалъ никакого вниманія на слова мои.

Насталъ вечеръ, столь нетерпѣливо ожиданный Графомъ, и мы отправились въ домъ Профессора, который, въ праздничномъ бархатномъ кафтанѣ своемъ, встрѣтилъ насъ съ веселымъ видомъ. Вошедъ въ залу, я не могъ не удивиться искуству, съ какимъ успѣлъ ее убрать Андрони въ такое короткое время. Все было странно, но все прекрасно, все со вкусомъ. Глаза наши, при входѣ, не были поражены яркимъ свѣтомъ лампъ и многочисленныхъ свѣчей. Алебастровая огромная люстра, висѣвшая посреди комнаты, изливала томный свѣтъ, какъ буд-

то происходившій отъ сіянія луны. Вдоль, по стѣнамъ, стояли померанцовыя деревья, коихъ промежутки украшены были разставленными въ фарфоровыхъ вазахъ цвѣтущими растѣніями, наполнявшими воздухъ благоуханіемъ. — Казалось, что Профессоръ, для украшенія залы своей, истощилъ всѣ оранжереи Лейпцига и окрестностей. На зеленыхъ вѣтвяхъ большихъ померанцовыхъ деревъ, висѣли разноцвѣтныя лампы, которыхъ блескъ сливался съ сіяніемъ отъ алебастровой люстры, и озаренные симъ чуднымъ свѣтомъ двигающіеся по залѣ въ разныхъ направленіяхъ гости, у которыхъ на лицѣ написано было любопытство и удивленіе, придавали всему видъ чего-то волшебнаго.

Собраніе было весьма многочисленно, не смотря на то, что незапное и неожиданное приглашеніе Андрони совершенно было против-

но Германскому этикету. Почти ни одинъ изъ гостей не былъ знакомъ съ хозяиномъ; но никто не отказался отъ бала: всѣ любопытствовали видѣть вблизи прелестную Аделину, о которой разсказывали въ городѣ чудеса.

При входѣ въ залу, глаза Графа искали ее между Лейпцигскими красавицами, но ея тутъ не было. Профессоръ объявилъ гостямъ, что дочь его скоро будетъ, и просилъ начать танцы, не дожидаясь ея прибытія. Всѣ съ участіемъ спрашивали объ ея здоровьѣ и получили въ отвѣтъ, что она занята необходимыми дѣлами, по окончаніи которыхъ непремѣнно явится. Въ другое время, дамы, удостоившія Профессора посѣщеніемъ своимъ, вѣроятно, обидѣлись бы тѣмъ, что хозяйка ихъ не встрѣтила; но тутъ, гдѣ все было необыкновенно, гдѣ все носило на себѣ печать какой-то чудной странности, никто не

изъявилъ неудовольствія за такую неучтивость. Танцы начались. По тогдашнему обыкновенію въ Германіи, каждый кавалеръ при открытіи бала избиралъ даму, съ которою уже танцовалъ въ продолженіе всего вечера. Алцестъ — который во весь тотъ день занимался сладостною мечтою, что Аделина будетъ его дамою — обманутый въ своей надеждѣ, съ печальнымъ видомъ сѣлъ подъ померанцовое дерево и съ разсѣянностію смотрѣлъ на веселящихся гостей.

Балъ начался менуетомъ, а за нимъ слѣдовали и другіе танцы. Въ срединѣ одного шумнаго экосеза, вдругъ отворилась дверь, и вошла въ залу Аделина. . . Она одѣта была весьма богато, въ Испанскомъ вкусѣ. Малиновое бархатное платье, вышитое золотомъ, богатый кружевной воротникъ, котораго частыя складки прикрывали высокую грудь ея, драгоцѣнные каменья, укра-

щавшіе ея волосы, давали ей видъ величественный и важный. При входѣ, она съ пріятностію поклонилась. Андрони взялъ ее за руку и повелъ къ стулу; а Алцестъ, увидѣвъ ее, въ восторгѣ своемъ не могъ удержаться отъ громкаго восклицанія. Всѣ оглянулись . . . гости забыли объ экосезѣ и обступили Аделину, которая, съ примѣтною робостію вставъ съ своего стула, кланялась на всѣ стороны.

Не могу изобразить впечатлѣнія, произведеннаго ея появленіемъ во всемъ собраніи! Въ самомъ дѣлѣ, она блескомъ красоты своей помрачала всѣхъ Лейпцигскихъ красавицъ. Дамы перешептывались другъ съ другомъ; мужчины съ завистію посматривали на Алцеста, который между тѣмъ пожиралъ ее глазами. Профессоръ съ трудомъ могъ уговорить гостей окончить начатый экосезъ. Самъ онъ ни на минуту не отходилъ отъ Аделины, которая

на дѣлаемые ей вопросы отвѣчала едва внятнымъ голосомъ. Андрони часто говорилъ за нее, приписывая чрезмѣрную робость ея незнанію Нѣмецкаго языка и непривычкѣ находиться въ такомъ многолюдномъ обществѣ. Что касается до меня, — мысль о ревнивомъ опекунѣ опять пришла мнѣ на умъ . . . и хотя, съ одной стороны, мысль эта внушала мнѣ отвращеніе къ Андрони, но съ другой, она служила мнѣ нѣкоторымъ утѣшеніемъ, потому, что горячность Профессора къ Аделинѣ считалъ я оплотомъ противъ любви Графа.

Всѣ гости, не исключая меня, желали, чтобъ Аделина танцовала, и всѣ приступали къ Андрони. . . Онъ съ замѣшательствомъ извинялся, говоря, что дочь его, родившаяся въ южной Европѣ и воспитанная въ уединеніи, не имѣетъ понятія о танцахъ, употребительныхъ въ Германіи. Долго просьбы наши были

безуспѣшны. Наконецъ, убѣжденный нашею докучливостію, Профессоръ, передъ самымъ концемъ бала объявилъ намъ — хотя впрочемъ съ видимою досадою — что, для удовлетворенія желанія такихъ дорогихъ гостей, дочь его протанцуетъ фанданго. Испанская пляска сія въ тогдашнее время еще мало была извѣстна въ Германіи; многіе изъ гостей даже никогда не слыхивали ея названія, и любопытство собранія отъ того увеличилось. Загремѣла музыка, гости стали въ пространный кругъ и Аделина начала пляску свою.

Неоднократно случалось мнѣ, во время пребыванія моего въ Гишпаніи, видѣть самыхъ лучшихъ танцовщицъ; но я долженъ признаться, что ни одна изъ нихъ не танцовала съ такимъ искуствомъ, какъ Аделина! Прелестныя ножки ея двигались съ неимовѣрнымъ проворствомъ; всѣ движенія тѣла были жи-

вописны. Но при всемъ томъ мнѣ показалось, что въ ней не достаетъ той живости, той непринужденности, безъ которыхъ самый искусный балетмейстеръ сходенъ съ бездушною куклою, прыгающею на пружинахъ. Нѣсколько разъ, въ продолженіе пляски, Аделина сбивалась съ такта и столь явно, что Андрони за нужное счелъ сложить вину на музыкантовъ, приписывая это ихъ невѣденію и неискуству. Пляска кончилась при громкихъ рукоплесканіяхъ восхищенныхъ зрителей. Аделина, казалось, весьма устала; она чрезъ силу дотащилась до стула съ помощію отца, и Андрони довольно ясно далъ замѣтить гостямъ, что балъ кончился.

Стали разъѣзжаться; — мы съ Алцестомъ были въ числѣ послѣднихъ. Графъ стоялъ, какъ вкопанный, и въ безмолвномъ восторгѣ не спускалъ глазъ съ Аделины. Между тѣмъ, большая часть разноцвѣт-

ныхъ лампъ погасла; померкнувшій свѣтъ алебастровой люстры и темная тѣнь отъ деревьевъ всѣмъ предметамъ давали видъ не опредѣленный. Мнѣ сдѣлалось что-то грустно и вмѣстѣ страшно; я настоятельно началъ просить Графа пойти домой и съ трудомъ могъ его уговорить. Когда мы выходили изъ залы, я нечаянно оглянулся, и мнѣ показалось, будто изъ того угла, гдѣ сидѣли музыканты, вышелъ высокой мужчина въ красномъ плащѣ и въ треугольной шляпѣ. . . Медленными шагами прошелъ онъ чрезъ комнату и скрылся во внутренніе покои. На лицѣ его выражалось что-то звѣрское. Я не могъ не вспомнить о Вентурино. . . Возвратясь домой, я разсказалъ о томъ Графу; но онъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить.

На другой день рано по утру разбудила меня эстафета, присланная изъ Дрездена. Корреспондентъ мой увѣдомлялъ меня, что банкиръ

N. N., у котораго хранилась значительная сумма, принадлежавшая Графу, объявилъ себя банкротомъ. Присутствіе мое въ Дрезденѣ было необходимо, и я принужденнымъ нашелся немедленно послать за курьерскими лошадьми. Легко себѣ представить можно, каково мнѣ было оставить Графа въ его положеніи! Но отъ Лейпцига до Дрездена не такъ далеко, особливо для Русскаго. Пробѣжать верстъ полтораста, думалъ я, мнѣ не въ диковинку. Если возвращеніе мое сдѣлается нужнымъ, вѣрный Иванъ отправитъ ко мнѣ эстафету и я тотчасъ явлюсь въ Лейпцигѣ. Сколько я однако ни старался утѣшить себя такими разсужденіями, — какая-то непонятная тоска стѣсняла мою грудь! Чудное появленіе Венту-рино въ домѣ Андрони безпрестанно приходило мнѣ на умъ. Распростившись уже съ Графомъ, я опять къ нему воротился и умолялъ его не посѣщать Профессора въ мое

отсутствіе. Но онъ не слушалъ меня и не понималъ! Я съ сокрушеннымъ сердцемъ оставилъ его.

Не буду говорить о пребываніи моемъ въ Дрезденѣ. Неудовольствія, съ которыми я тамъ боролся, потеря весьма значительной суммы, все это ничего не значитъ въ сравненіи съ ужасными событіями, ожидавшими меня въ Лейпцигѣ! На третій день получилъ я эстафету отъ Ивана, который умолялъ меня возвратиться къ Графу. „Баринъ мой" писалъ онъ „со времени отъѣзда вашего, былъ неразлученъ съ проклятымъ Итальянцемъ. Сего дня по утру онъ увѣдомилъ меня, что женится на дочери фигляра! . . . Онъ даже не хочетъ дожидаться ни возвращенія вашего, ни родительскаго благословенія. Напрасно валялся я у ногъ его! . . . Поспѣшите! можетъ быть, вы успѣете предупредить несчастіе."

Письмо это крайне меня испугало. Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ я не могъ опомниться, — наконецъ, какъ сумасшедшій, побѣжалъ на почтовой дворъ. Просьбы мои и въ особенности звенящій кошелекъ, придали нѣсколько живости Почтмейстеру, и не прошло еще часу, какъ я сидѣлъ уже въ дорожной коляскѣ. Но какое мученіе ожидало меня на пути! Кто не путешествовалъ по Саксоніи, кто не испыталъ надъ собою флегмы Саксонскихъ почталіоновъ, тотъ не можетъ понять моей досады, моего отчаянія! — Ни просьбы, ни обѣщанія, ни деньги, ни угрозы не въ состояніи были принудить двигаться проворнѣе почталіоновъ, которыхъ безчувственность, въ этомъ отношеніи, можетъ равняться только съ неповоротливостію тяжелыхъ лошадей, ими управляемыхъ. Какъ часто, дорогою, вспоминалъ я о любезной нашей Россіи!

Измученный напраснымъ стараніемъ хотя немного оживить почтарей, и терзаемый ожиданіемъ несчастій, которыя представлялись моему воображенію, я дотащился наконецъ до Лейпцига. Это было поздно ввечеру. Когда въѣхалъ я въ заставу, медленное движеніе коляски показалось мнѣ еще несноснѣе; я съ нетерпѣніемъ выскочилъ и побѣжалъ по Гриммской улицѣ, оставя далеко за собою изумленнаго своего Саксонца. При входѣ въ комнату Алцеста, встрѣтилъ меня Иванъ, блѣдный, какъ полотно.— Гдѣ Графъ? спросилъ я. „Графъ сего дня ввечеру обвѣнчался и переѣхалъ къ своему тестю“ отвѣчалъ онъ мнѣ дрожащимъ голосомъ. . . „Я хотѣлъ идти за нимъ, но меня не пустили!“ . . .

Не распрашивая его ни о чемъ болѣе, я бросился въ домъ Андрони. Въ сѣняхъ попался мнѣ на встрѣчу высокой мужчина, котораго ли-

це показалось мнѣ знакомымъ. Я узналъ Вентурино. Онъ одѣтъ былъ въ черную мантію, какую обыкновенно носятъ въ Германіи духовныя особы. На головѣ у него былъ распудренный парикъ съ длинными локонами. Вентурино въ Пасторскомъ облаченіи! подумалъ я . . . и воображенію моему ясно представилось, что такое беззаконное переряженіе должно непремѣнно означать какой нибудь злой умыселъ, котораго цѣль однако для меня была непонятна!

Въ первой комнатѣ нашелъ я Профессора, занимающагося чтеніемъ, — и онъ, казалось, вовсе меня не замѣтилъ. „Ради Бога!“ вскричалъ я. „Что вы сдѣлали съ моимъ другомъ?“

— А! это вы, Г. Полковникъ? сказалъ Андрони, обратясь ко мнѣ съ спокойнымъ видомъ. — Мы не ожидали, чтобы вы такъ скоро кончи-

ли дѣла ваши. Зять мой очень обрадуется, когда узнаетъ, что вы возвратились. —

„Зять вашъ?“ отвѣчалъ я съ сердцемъ. „Неужели вы думаете, что я позволю вамъ ругаться надъ моимъ другомъ?“ . .

— Вы забываетесь, Г. Полковникъ! возразилъ Андрони, не теряя хладнокровія. — Говорите потише; вы можете испугать Графиню; да и Графу не очень пріятно будетъ видѣть любезнаго наставника своего въ такомъ положеніи. —

Насмѣшка его вывела меня изъ терпѣнія. „Извергъ рода человѣческаго!“ закричалъ я въ изступленіи. „Говори, что значитъ эта комедія? Зачѣмъ ты товарища своего — такогоже плута, какъ ты самъ — нарядилъ въ Пасторы?. . Но я разрушу ваши козни. Немедленно веди меня къ Алцесту!“

Андрони очевидно смѣшался при этихъ словахъ. Онъ поблѣднѣлъ, губы у него задрожали и огненные глаза его засверкали отъ ярости. . . Вскорѣ однако онъ опять пришелъ въ себя. — Государь мой! произнесъ онъ, задыхаясь отъ злости: вы не имѣете права повелѣвать мною. Завтра поутру Алцестъ отмститъ за оскорбленную честь своего тестя! Но сего дня вы его не увидите. Новобрачные желаютъ быть одни. И такъ совѣтую вамъ удалиться и не забывать, что вы находитесь въ моемъ домѣ и что угрозы ваши совершенно безполезны. —

„Завтра поутру" отвѣчалъ я, смущенный увѣрительнымъ его голосомъ: „завтра поутру я съ тобою раздѣлаюсь! Не воображай, что ты избѣгнешь заслуженнаго наказанія!" Я вышелъ изъ комнаты, захлопнулъ дверь, и услышалъ за собою пронзительный хохотъ Андрони. . .

Возвратясь домой, я предался размышленію. Замѣшательство Андрони ясно доказывало, что мнимый Пасторъ, встрѣтившійся со мною, былъ никто иной, какъ Вентурино. Но какія причины могли побудить Профессора къ столь беззаконному поступку? Какую пользу находилъ онъ въ поруганіи собственной дочери, соединивъ ее съ Графомъ такими узами, которыя могли быть расторгнуты безъ малѣйшаго труда? Я терялся въ догадкахъ, однако твердо рѣшился на другой день поутру объявить мѣстному Начальству о преступленіи Профессора. Признаюсь, я съ нѣкоторымъ удовольствіемъ помышлялъ о томъ, что Алцесту приключеніе сіе можетъ послужить урокомъ, который навсегда излѣчитъ его отъ страсти къ романическому. . . Съ сими мыслями я легъ спать, хотя и предчувствовалъ, что безпокойство мое не дастъ мнѣ во всю ночь сомкнуть глазъ.

Было около полуночи, когда я услышалъ, что кто-то бѣжитъ ко мнѣ по лѣстницѣ. Немного погодя, дверь отворилась и я, къ крайнему изумленію, увидѣлъ Графа — въ халатѣ, съ растрепанными волосами! . . Видъ его показывалъ человѣка, находящагося въ отчаяніи. „Любезнѣйшій Ф**!“ вскричалъ онъ, бросившись ко мнѣ на шею. „Спасите меня . . . спасите отъ сумасшествія!“

— Что съ вами сдѣлалось, любезный Алцестъ? — спросилъ я, испугавшись и вскочивъ поспѣшно съ постели.

Графъ былъ въ такомъ положеніи, что почти не могъ говорить. Изъ отрывистыхъ и несвязныхъ рѣчей его, узналъ я наконецъ такое происшествіе, при воспоминаніи котораго и теперь еще у меня волосы становятся дыбомъ!

На другой день отъѣзда моего въ Дрезденъ, сильная страсть Алцеста дошла до того, что онъ рѣшился просить у Андрони руку Аделины. Старикъ, по видимому, весьма обрадовался этому предложенію; но требовалъ — по причинамъ, которыя въ послѣдствіи обѣщался объяснить — чтобы бракосочетаніе совершено было втайнѣ. Влюбленный Алцестъ на все согласился. Ввечеру призванъ былъ Пасторъ въ домъ Андрони, и обрядъ совершенъ въ присутствіи одного отца, безъ свидѣтелей. Аделина послѣ того удалилась въ свою спальню. . . Чрезъ нѣсколько времени впустили туда и Алцеста. „Вы безъ труда повѣрите, любезный Ф * * “ говорилъ мнѣ Графъ „что я съ восторгомъ бросился въ объятія жены моей. Мысль, что я обладаю Аделиною, что наконецъ могу назвать ее своею, приводила меня въ неизъяснимое восхищеніе. Вообразите жъ себѣ, какъ я испугался, когда осы-

павъ ее поцѣлуями, замѣтилъ, что она не отвѣчаетъ на ласки мои! Она лежала, какъ будто лишенная всѣхъ чувствъ. . . . Въ смятеніи моемъ не зналъ я, что дѣлать; вспомнивъ однако, что на уборномъ столикѣ стояла склянка съ крѣпкимъ уксусомъ, я вздумалъ потереть ей виски и грудь. Но какими словами опишу вамъ ужасъ, меня объявшій, когда отъ сильнаго натиранія вдругъ прелестная грудь моей Аделины лопнула и изъ отверстія показался . . . большой клочекъ хлопчатой бумаги! Самъ не помню, какъ я выбѣжалъ изъ комнаты и какъ очутился здѣсь!"

Я не зналъ, что подумать, услышавъ разсказъ Алцеста. Мнѣ вообразилось, что несчастный другъ мой лишился ума, и я всячески старался его успокоить. — Опомнитесь, любезный Графъ! — говорилъ я ему! Вамъ, вѣрно, пригрѣзился какой нибудь страшный сонъ! —

„Нѣтъ!“ отвѣчалъ онъ, обливаясь слезами — „я не спалъ. . . Я видѣлъ ясно хлопчатую бумагу, высунувшуюся изъ груди бѣдной моей Аделины. . . Пойдемте, пойдемте! я докажу вамъ, что это не сонъ!“

Желая его успокоить, я поспѣшилъ одѣться и пошелъ съ нимъ. Войдя въ сѣни, Графъ отъ сильнаго волненія чувствъ пришелъ въ такую слабость, что конечно упалъ бы, если бъ я не подхватилъ его подъ руку. Онъ дрожалъ всѣми членами и я съ трудомъ взвелъ его на лѣстницу. Я самъ былъ въ ужасномъ положеніи . . . Сердце мое сильно билось; печальныя предчувствія тѣснились въ моей душѣ. Въ глубокомъ молчаніи прошли мы первыя комнаты, гдѣ не встрѣтили никого. Наконецъ отворилъ я спальню — и оцѣпенѣлъ, при видѣ того, что мнѣ представилось! Аделина на кровати лежала полунагая. Профессоръ сидѣлъ подлѣ нея. На горба-

томъ носу его надѣты были большія очки; лѣвою рукою онъ упирался объ Аделину, а въ правой держалъ кривую иглу, которою зашивалъ ей грудь!.. Изъ одного конца прорѣхи, еще незашитой, торчала хлопчатая бумага. На обнаженномъ боку Аделины усмотрѣлъ я глубокое отверстіе, въ которое, при входѣ нашемъ, Вентурино вложилъ длинный ключь, какіе употребляются для заведенія большихъ стѣнныхъ часовъ. Злодѣи такъ были заняты своею работою, что не замѣтили, какъ мы вошли въ комнату.

Не успѣлъ я еще опомниться, какъ Алцестъ съ ужаснымъ крикомъ бросился на Андрони. На лицѣ его изображалась ярость. . . Онъ замахнулся на него тростью и, можетъ быть, убилъ бы его на мѣстѣ, если бъ Вентурино не удержалъ его руку.

Андрони пришелъ въ изступленіе отъ злости. Онъ схватилъ тяже-

лый молотъ, подлѣ него лежавшій, и ударилъ Аделину прямо въ голову! . . Въ одно мгновеніе лице ея совершенно преобразилось! Прелестный носикъ ея сплюснулся; бѣлые жемчужные зубы посыпались изъ раздробленныхъ челюстей! . . — Вотъ твоя жена! — приговаривалъ Андрони, продолжая ударять молотомъ по Аделинѣ. . . Отъ одного удара прекрасные голубые глаза ея выскочили изъ глазныхъ ямокъ и отлетѣли далеко въ сторону. . . Бѣшенство овладѣло бѣднымъ Алцестомъ. . . Онъ схватилъ съ полу глаза своей Аделины и стремглавъ выбѣжалъ изъ комнаты, громко смѣясь и скрежеща зубами! . . Я послѣдовалъ за нимъ. Вышедъ изъ дому, Алцестъ остановился на минуту; потомъ испустилъ жалостный вопль и вдругъ, какъ стрѣла, помчался вдоль по Гриммской улицѣ.

Я не могъ догнать его. Когда уже былъ я на улицѣ, мнѣ слышался хо-

хотъ Вентурино, пронзительный крикъ Андрони и стукъ молота, какъ будто разбивающаго колеса въ большихъ стѣнныхъ часахъ.

Остатокъ ночи и весь слѣдующій день бродилъ я, съ вѣрнымъ Иваномъ, по Лейпцигу и тщетно искалъ Графа. Въ глубокую полночь возвратился я домой . . . безъ него! — Въ окошкахъ дома, занимаемаго Андрони, не было огня. Дворникъ, отворяя намъ дверь, разсказалъ мнѣ, что въ тоже утро Профессоръ выѣхалъ изъ города въ открытой коляскѣ. Подлѣ него сидѣлъ высокой мужчина въ красномъ плащѣ и въ треугольной шляпѣ. За ними слѣдовало нѣсколько телѣгъ съ разною поклажею.

На другой день пришелъ ко мнѣ начальникъ городской Полиціи и объявилъ, что на берегу рѣки Эльстеръ, подлѣ самаго глубокаго мѣста, найденъ батистовый платокъ

съ мѣткою С. А. и два финифтяные глаза. Платокъ былъ Алцестовъ, но тѣла несчастнаго моего друга не могли отыскать.

Я поспѣшно уѣхалъ въ Россію. Въ самый день отъѣзда вошелъ въ комнату мою одинъ изъ служителей стараго Графа, отправленный ко мнѣ курьеромъ. Подъ Варшавою разбили его лошади; онъ цѣлыя три недѣли безъ памяти пролежалъ на почтовомъ дворѣ и отъ того замедлилъ пріѣздомъ. Я распечаталъ пакетъ. — Графъ писалъ ко мнѣ:

„Умоляю васъ всѣмъ, что для васъ „дорого, любезный Ф. . ., спѣшите „исторгнуть сына моего изъ пропа„сти, въ которую безъ васъ онъ „неминуемо повергнется! — Если „нужно, употребите силу; передаю „вамъ родительскую власть мою. — „Профессоръ, о которомъ вы пи„шете, мнѣ слишкомъ извѣстенъ. „Онъ человѣкъ весьма ученый и

„притомъ искуснѣйшій Механикъ - „вентрилокъ. Я познакомился съ „нимъ еще въ молодыхъ лѣтахъ въ „Мадритѣ. Нѣкоторый случай сдѣ- „лалъ его непримиримымъ врагомъ „моимъ, и онъ поклялся мстить „мнѣ и всему моему роду . . . Ради „Бога, не теряйте времени!“

Возвратясь въ отечество, я уже не засталъ въ живыхъ стараго Графа. — — —

„Почтенный Двойникъ!“ сказалъ я, выслушавъ разсказъ *о пагубномъ влїянїи необузданнаго воображенїя.* „Вы не хотѣли вѣрить возможности появленія Анюты, въ повѣсти, которую имѣлъ я честь вамъ прочитать; а сами разсказали мнѣ теперь совершенную небылицу. Есть ли

какое нибудь въ томъ правдоподобіе, чтобъ человѣкъ влюбился въ куклу? И можно ли такъ искусно составить куклу, чтобъ она гуляла по улицамъ, плясала на балахъ, присѣдала и улыбалась . . . и между тѣмъ бы никто не замѣтилъ, что она не живая?"

— Что касается до перваго вопроса вашего, отвѣчалъ Двойникъ: можетъ ли человѣкъ влюбиться въ куклу? то, мнѣ кажется, мудренаго въ этомъ ничего нѣтъ. Взгляните на свѣтъ: сколько встрѣтите вы куколъ обоего пола, которыя совершенно ничего инаго не дѣлаютъ и дѣлать не умѣютъ, какъ только гуляютъ по улицамъ, пляшутъ на балахъ, присѣдаютъ и улыбаются. — Не смотря на то, частехонько въ нихъ влюбляются, и даже иногда предпочитаютъ ихъ людямъ, несравненно достойнѣйшимъ! Къ тому же, происшествіе это совсѣмъ не ново: вспомните о Пигмаліонѣ,

который, какъ говоритъ преданіе, влюбился въ статую, имъ самимъ сдѣланную, предъ которою наша кукла по крайней мѣрѣ имѣетъ то преимущество, что она двигалась.

— Можетъ ли быть кукла, спрашиваете вы еще — продолжалъ Двойникъ — такъ искусно составлена, чтобъ была похожа на живую? Ахъ, любезный Антоній! до чего не умудрится умъ человѣческій? Сколько примѣровъ могу я вамъ напомнить объ автоматахъ, не менѣе моей куклы удивительныхъ! Не помню, гдѣ читалъ я, что какой-то Механикъ составилъ деревяннаго ворона, который, при въѣздѣ одного Римскаго Императора въ городъ Ахенъ, подлетѣлъ къ нему и проговорилъ внятнымъ голосомъ весьма краснорѣчивое привѣтствіе на Латинскомъ языкѣ. . . Кому не извѣстно, что знаменитый Албертъ, (ученый Астрологъ, жившій въ 13-мъ сто-

лѣтіи и прозванный Великимъ) составилъ куклу, надъ которою трудился безпрерывно тридцать лѣтъ? Кукла эта, названная *Андроидою Алберта Великаго*, по свидѣтельству тогдашнихъ писателей, такъ была умна, что Албертъ совѣтовался съ нею во всѣхъ важныхъ случаяхъ; но къ, сожалѣнію одинъ изъ его учениковъ, которому надоѣла неумолкаемая болтливость этой куклы, однажды въ сердцахъ разбилъ ее на части. И въ наши времена, видѣли во всѣхъ столицахъ Европы одного искусника, который возилъ съ собою и показывалъ за деньги небольшаго деревяннаго Турку, умѣющаго играть въ шахматы и обыгрывающаго извѣстнѣйшихъ игроковъ. — Подобныхъ примѣровъ могъ бы я насчитать множество, если бъ у меня была не такая плохая память. Въ 1815 году Физикъ Робертсонъ, бывшій предъ тѣмъ въ Россіи и показывавшій фантазмагорическія представленія, хвалился, что онъ

изобрѣлъ новаго рода клавикорды, которыя выговаривали цѣлыя слова человѣческимъ голосомъ. Я самъ видѣлъ клавикорды эти въ Парижѣ: къ нимъ придѣлана была кукла въ человѣческій ростъ, щегольски одѣтая въ женское платье, съ модною на головѣ шляпкою. Робертсонъ садился за клавикорды и по мѣрѣ того, какъ перебиралъ клавиши, кукла выговаривала (правда, голосомъ довольно дикимъ) нѣсколько словъ, какъ то: Papa, maman, mon frêre, ma soeur, vive le Roi! и тому подобное. Множество Русскихъ, бывшихъ въ то время въ Парижѣ, конечно не забыли объ этой куклѣ Робертсона. —

„При всемъ томъ" возразилъ я, „вы никакъ меня не увѣрите, чтобы человѣкъ умный, какимъ описываете молодаго Графа, могъ влюбиться въ куклу. Пускай бы это случилось съ глупцомъ; но человѣкъ такой умный. . ."

— Умный! умный! — прервалъ меня съ нѣкоторою досадою Двойникъ. Да можете ли вы въ точности опредѣлить, что такое умный человѣкъ? и развѣ никогда не случалось вамъ видѣть, что люди, слывущіе въ свѣтѣ умными, дѣлаютъ такія глупости, которыя непростительны были бы дуракамъ? —

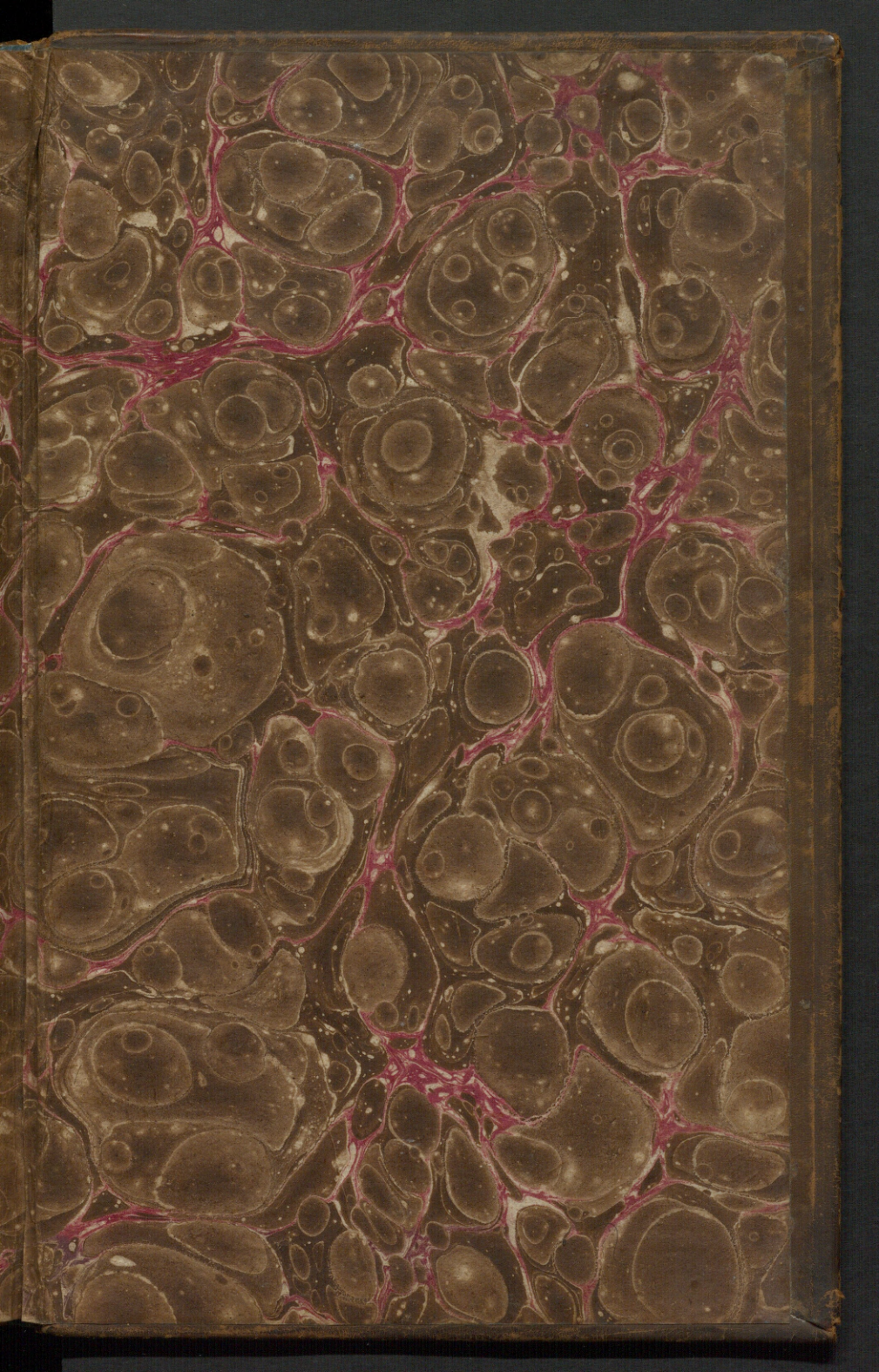
„Въ самомъ дѣлѣ" отвѣчалъ я „не рѣдко случалось мнѣ видѣть это, и я никогда не могъ понять, отъ чего это происходитъ? Сдѣлайте дружеское одолженіе, любезный Двойникъ, объясните мнѣ загадку эту, и вмѣстѣ съ тѣмъ научите, какимъ образомъ должно опредѣлять степень ума у людей? Вы, вѣрно, болѣе меня въ этомъ имѣете свѣденій; а я, признаюсь, въ теченіе жизни моей съ умными людьми неоднократно попадалъ въ просакъ. Я чувствительно вамъ буду обязанъ."

— Вы знаете, дрожайшій Антоній, что я не въ силахъ вамъ отказать въ чемъ бы то ни было, а потому постараюсь исполнить ваше желаніе. — Но оставимъ разговоръ этотъ до другаго раза. Назначенное нами для разлуки время давно протекло. Прощайте! —

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

— Вы знаете, дрож
что я не въ силахъ
въ чемъ бы то ни
постараюсь исполн
ніе. — Но оставимъ
до другаго раза.
ми для разлуки вр
текло. Прощайте!

КОНЕЦЪ ПЕРВ

Colour Chart #13
Blue Cyan Green Yellow Red Magenta White 3/Color Black
Inches Centimetres
DANES PICTA .COM

Ч.2.00
Пер.2.00.